

Наталья Дунай

Книга 1

КОЩЕЙ

16+

Наталья Дунай

Кощей

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дунай Н.

Кощей / Н. Дунай — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-600-02808-1

Порой отчаяние толкает людей на странные поступки: потеряв работу, отношения и средства к существованию, Анна принимает помощь от своего кредитора и оказывается втянутой в криминальные разборки, но обретает новые надежды. В романе есть все необходимые составляющие – как для приятного и неустомительного чтения литературы приключенческого жанра, любовного романа, криминальной саги, так и для вдумчивого размышления о природе времени, о человеческих взаимоотношениях и о самой сути нашего бытия. Хороший русский литературный слог, берущие за живое переживания и истории главных героев не оставят равнодушными самую широкую читательскую аудиторию. А мастерски вплетенные в канву произведения сказочные мотивы обращены напрямую к глубинному менталитету и образному сознанию в русской культурной традиции. “Кощей” – это увлекательный и полноценный роман, в лучших традициях этого жанра, в котором помимо удовольствия от захватывающего чтения, есть и над чем всерьёз поразмышлять.

ISBN 978-5-600-02808-1

© Дунай Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Наталья Дунай

Кощей

Пусть все вращается вокруг тебя и вращает тебя.

То быстро, то медленно, то в беспорядке, то в полной гармонии.

И будешь ты то в безумстве, то в покое.

Но только в этом хаосе ты сможешь дышать и любить.

Глава 1

Июнь не спешил дарить городу жаркие дни. Дождь моросил уже третий день, его редкие капли были холодными и едкими. Анна шла по улице, не укывшись от дождя и вся скукожившись, было холодно, но шла она медленно. На остатки денег в кошельке она зачем-то купила новый шарф, хотя вполне могла прожить и без него. Но это была не единственная глупость за последние дни. Согласившись начать процедуру банкротства, Анна не могла и предположить, что столкнется при этом лишь с новым обманом. Финансовый консультант отложил встречу, а обещанное решение проблемы в течение месяца, который, к слову, уже давно прошел, превратилось в «может растянуться до полугода». Во время телефонного разговора адвокат второпях говорил также о каких-то счетах, которые он пришлет на электронную почту, чтобы Анна не утруждалась приходить. Конечно, ему не нужно, чтобы она приходила, учитывая то обстоятельство, что он изрядно её облапошил, воспользовавшись абсолютным отсутствием у двадцатипятилетней девушки знаний в области судопроизводства. Изучив вопрос на интернет-форумах, она уже успела понять, что многое из сказанного адвокатом на их первой встрече шло совершенно вразрез с реальным положением дел. Недавно у Анны умер отец, и чем дольше затягивался процесс, тем вероятнее было то, что перспектива унаследовать родительскую жилплощадь выставит её скорее мошенницей в глазах законников, нежели нуждающейся. «Это все бессмысленно» – вздохнула она, убирая телефон в сумочку. Настроение было подавленное и, несмотря на то что Анна не курила, ей захотелось выкурить сигарету – нужно было занять чем-то руки, чтобы не чувствовать дрожь. «Почему я настолько бестолковая?!» – продолжала она корить себя за совершенные глупости: снова за покупку шарфа, за глупый поступок с кредитом, за то, что попала на уловки юриста.

Дождь начал усиливаться, и пришлось спрятаться под крышей на автобусной остановке. Куда дальше идти, она не знала, на глазах появились слезы. Ей всегда было сложно контролировать эмоции. Пытаясь скрыть заплаканное лицо от посторонних, Анна запрокинула голову вверх и смотрела на серое небо сквозь растекающуюся по стеклянной крыше воду. Судьба настолько же смурная и неясная, как это небо, и такая же переменчивая. Удача и неудача. Одно цепляется за другое и крутится перед ней. Они сцепились невероятно крепко, и каждый раз, стоит вкусить немного радости, почувствовать облегчение, все переворачивается с ног на голову и превращается в новую несуразную проблему. Одно за другое. Это похоже на разлинованное колесо удачи на аттракционе, настроенное при помощи магнитов так, что оно не может остановиться на выигрыше, а лишь предлагает все новые и новые глупые задания в качестве расплаты за проигрыш. Но если решиться поправить магниты, колесо может попросту раздавить. Остается лишь убеждать себя в том, что оно не остановится и в этот раз, все обойдется, и решение будет найдено с его очередным проворотом.

Анна смогла немного успокоиться, вытерла лицо новым шарфом и стукнула себя по лбу.

– Все! – тихо произнесла она вслух. – Надо собраться!

Раздался телефонный звонок.

– Возвращаясь домой, я видела, как они уходили. Дуй быстрее!

Это была соседка Катя, которую Анна была вынуждена подселить из-за плачевного финансового состояния. Жить пришлось в тесноте, ибо квартира представляла собой скорее коробку с перегородками, чем удобное жильё: комната всего десять квадратных метров, кухня – и вовсе не развернуться, малюсенькая прихожая и совмещенный санузел. Все было старым и периодически ломалось. Тем не менее девушки хорошо поладили между собой и быстро сдружились. Говорила же Катя о сотрудниках коллекторской компании, регулярно и настоятельно требовавших уплаты долгов, из-за чего Анна, выходя из дому, боялась вернуться до глубокого вечера. Получив «сигнал», она поспешила домой и с замиранием сердца пробежала на пятый этаж по узкой лестнице. Бедняга уже давно не пользовалась лифтом, а ходила пешком, рассчитывая просто пройти мимо на верхний этаж в случае, если коллекторы будут стоять у двери.

– Ну что? – прямо с порога спросила её Катя.

– Да ничего – отмахнулась та, затем повесила сумку на крючок и прошла на кухню.

Катка последовала за ней. Она была из такого сорта людей, которые не боятся говорить и спрашивать: открытой, честной и прямолинейной. В отличие от Анны, Катя решала проблемы еще до того, как они случались, чем вызывала её глубокое уважение. Анна иногда жалела о том, что не умеет быть такой же прагматичной и смелой, как Катка. Сама она чаще была стеснительной, терзалась сомнениями и легко поддавалась давлению.

– Что дальше? – продолжала расспрашивать Катя.

Анна лишь пожалала плечами в ответ.

– Я его не видела, но дура ты, Анька!

Она говорила про бывшего парня Анны, который, собственно, и оставил её с долгами. Анна знала Сергея со школы, тогда они были хорошими друзьями, а его родители казались весьма приятными людьми. Несколько раз она ночевала у них дома, когда отец из-за алкоголя слетал с катушек. Сергей был неплохим и добрым мальчуганом, но все время витал в облаках: воображал себя то известным музыкантом, то космонавтом, то изобретателем, хотя учился спустя рукава. Потом они долго не общались, а полтора года назад случайно встретились и постепенно начали сближаться. Их связь оставалась исключительно романтической – у девушки просто не было времени на что-то большее, поскольку незадолго до встречи с Сергеем она взяла на себя обязательство заботиться о сводной бабушке.

Двоюродный дед Анны был неисправимым ловеласом и при этом не имел своих детей. На старости лет он умудрился жениться в третий раз на женщине по имени Нина, немногим моложе себя, профессоре государственного университета. Его избранница обладала твердым характером, но добрым нравом, она много читала, мало говорила и совершенно не любила спорить. Казалось, дедушка был счастлив с ней, но отношения с новоиспеченными родственниками у Нины не сложились. Скорее, по вине родителей Анны, которые считали её надменной и ни в какую не хотели принимать внезапную чужую кровь. Саму Анну мало заботило кровное родство, и примерно раз в неделю она навещала дедушку, а после его смерти не забывала и о бабе Нине. Старушка осталась одна, она страдала от постоянной боли в ногах и нуждалась в помощи. Анна распрощалась со съемным углом в общежитии и переехала в крохотную квартиру к пожилой женщине.

Время сделало бабушку капризной. Она тосковала по молодости, ушедшим друзьям и единственному сыну, живущему в другой стране. Часто старуха поминала родителей Анны дурными словами и не проявляла интереса к её жизни, в то время как девушка чувствовала себя заброшенной, никому не нужной, отчего мучилась непреходящей депрессией. Да и отец не давал ей житья, без конца требуя денег. Он даже выписал дочку из квартиры, но, к счастью, баба Нина согласилась прописать её к себе. Уверенности в отношениях с Сергеем Анна не ощущала, но их встречи стали для неё отдушиной: появился повод улыбаться, хорошо выглядеть, выходить куда-то из дому, пропускать звонки отца.

После смерти бабы Нины в жизни Анны нарисовался прямой наследник. Сын почившей старушки был суетливым, жизнерадостным, неаккуратным, немного хамоватым, но добрым. Словом, носил на себе все черты упитанного средиземноморского жителя. Он спешил разобраться в юридических аспектах и вернуться к своей обычной жизни. Несколько раз был в миграционном центре, но возвращался оттуда раздраженный и злой, из чего Анна сделала вывод, что господин этот не имел российского гражданства и ничего не понимал в тонкостях местного налогового и имущественного права. Однако трудности в планах наследника по продаже недвижимости сыграли ей на руку: новоиспеченный хозяин квартиры решил, что проще на первое время договориться с теперешней квартиранткой, чем бороться с бюрократической машиной ради продажи старой «каморки». Приняв во внимание долгосрочную заботу о своей матери, он согласился не выписывать девушку и позволил ей не платить за проживание полгода. Но сообщил о желании получать небольшую оплату в дальнейшем. Запрашиваемая им сумма на самом деле была довольно скромной и, таким образом, они заключили договор на год. Получив от Анны денежный залог в размере полной полугодичной оплаты, неизвестный ранее сводный родственник пропал из её жизни так же стремительно, как и возник в ней. А вслед за его отъездом на пороге объявился Сергей с чемоданом и грустным лицом. Выяснилось, что из армии вернулся его младший брат и тут же задумал жениться, поэтому родители Сергея советовали ему жить отдельно, дабы освободить место молодым.

Незадолго до этого отец Анны стал чаще ей звонить, общался агрессивно, в его голове рождались какие-то параноидальные мысли о том, что дочь уже успела сколотить состояние. Он без конца требовал денег и грозился прийти к ней и «доказать» – только вот что именно он хотел доказать, оставалось неясным. Измученная этими угрозами Анна с радостью приняла Сергея в свой дом и старалась ради их отношений как могла.

Постепенно она начала понимать, почему родители её парня были столь «грубы»: он оказался не очень-то целеустремленным – это мягко сказано, а проще – настоящим лоботрясом. Один из тех неприкажных людей, которые не знают, чего хотят, но ленятся делать то, что не хотят. В конце концов он заявил о намерении заниматься бизнесом и даже представил убедительный бизнес-план, но для этого требовался автомобиль. Анна же в то время поверила в благосклонность судьбы, в удачу, в добрых людей на своем жизненном пути и, погрузившись в надежды, заставила себя поверить и в своего лоботряса. Недолго думая, она согласилась взять кредит. А спустя пару месяцев все пошло прахом: фирма, в которой она работала, разорилась и закрылась с большими проблемами, не выполнив всех финансовых обязательств перед сотрудниками. И еще через непродолжительное время Сергей просто уехал из города на том самом автомобиле, прихватив с собой всю наличку. В довершение всего Анна узнала, что никакой работой он на самом деле не занимался, а на машине просто развозил друзей по кабакам. Денег у него тоже не было, поэтому по счетам он не платил. Несколько раз она звонила его родителям в надежде разыскать беглеца, но безрезультатно – они отказались с нею говорить.

Анна уставилась на потолок и устало растягивала слова:

– Знаю. Все равно платить надо. Как ни крути.

– Как ты могла не знать того, что он не платил?

– В договоре его телефон указан, а я много работала, домой приходила поздно. Сергей всегда находил что рассказать, точнее, наврать про свой бизнес. В последнее время встречал меня по вечерам, и я наивно полагала, что это проявление заботы, но он лишь пытался избежать моего столкновения с коллектором. Знаешь, наверное, где-то в глубине души я хотела, чтобы он ушел. Он все ныл и ныл, бесконечно ныл – так надоел! И я дала ему повод обмануть себя и сбежать.

– Ничего себе такой повод! Просто выгнать не могла?

– Боялась одна остаться. Все время боялась, что отец начнет приходить сюда. У меня была нормальная работа, белая зарплата, жить было где, да и знала я его давно... Я не предполагала, что останусь ни с чем.

Подруга только покачала головой – с её точки зрения все это было не просто нелогично, а на уровне безумия. Где логика, если Анна все равно осталась одна, да еще и в долговой яме? Кате были неведомы странные игры подсознания с разумом, она могла только посочувствовать несчастной, но не понять её.

Анна с видимым отвращением пыталась запихнуть в себя уже остывшие макароны.

– Иногда я думаю о том, что если бы он не сбежал, а действительно занимался делом, то мы могли бы жить хорошо.

– Если бы, было бы... То избавиться от него хотела, то хорошо бы с ним жила... А делать в результате что будешь?

– Не буду ничего делать. Они не смогут забрать у меня то, чего у меня нет. У меня же нет ничего...

– Смотри, как бы кости тебе не переломали!

– Да не случится такого, – не очень уверенно отмахнулась Анна. – Мне просто надо три месяца протянуть, а там смогу квартиру продать.

– Твой папаня наверняка тоже кучу долгов за коммуналку оставил! Пока не оплатишь – унаследовать её не получится.

– Я должна найти работу, – с натяжкой выдавила Анна.

Оказавшись брошенной и в долгах, она не собиралась сидеть без дела и довольно быстро устроилась работать секретарем в офис строительной компании. Первую зарплату на новом месте обещали выплатить лишь через два месяца с учетом испытательного срока, но Анна восприняла это как удачу – работа казалась хорошей и перспективной. Однако общение с новым начальником оказалось не столь приятным. Порой он приближался неподобающе близко, слегка постукивал пальцем по её плечу и постоянно начинал фразу со слова «девочка».

«Девочка, документы на подпись нужно подавать в раскрытом виде»; «Девочка, утренний кофе должен быть готов, когда я захожу в кабинет. И должен быть горячий»...

– Девочка, – по обыкновению заговорил он однажды в конце рабочего дня, – с документами, что ты приготовила, есть проблема. Задержись и пройди ко мне.

Испытательный срок подходил к концу, и на горизонте замаячило несправедливое увольнение. Сжав зубы, Анна приготовилась выслушать бессмысленную речь о собственной некомпетентности. Генеральный директор попросил вошедшую стажерку закрыть за собой дверь и сочувственно заговорил о том, что найти достойную работу ей будет нелегко, в то время как их фирма предоставляет неплохие перспективы, после чего принялся хвалиться своими влиятельными связями. При этом он хватал её за руки, а к концу своей речи прижался вплотную и без стеснения начал шупать её за бедра, полностью раскрыв свои истинные намерения. Впервые в жизни Анна столкнулась с таким мужским вероломством, она испугалась и, с трудом отбившись от напиравшей на неё все сильнее горы человеческого тела, выскочила за дверь. В офис она больше не пришла и никаких денег, естественно, не получила.

На этом её злоключения не закончились. На следующем собеседовании вместо обещанной должности администратора в отеле ей предложили работу по развлечению клиентов. Обычная практика для фривольных заведений – заманивать работниц безобидными с виду объявлениями о найме. Но Анна была молода и еще не успела растерять детскую невинность своей души. И вот, со всем цинизмом и безразличием её словно опустили в сточную канаву города, она испытала унижение и стыд одновременно.

«Как можно предлагать подобное приличным людям? Неужели они и вправду считают, что любая согласится на это? – недоумевала она по дороге домой. – Может, отвратительный директор строительной компании меня сглазил?»

В потоке происходящих событий внезапная смерть отца могла бы принести облегчение, но похоронные услуги стоили дорого. Сбережения утекали не по дням, а по часам, Анна совсем обессилела и впала в апатию. Ей удалось продержаться до сегодняшнего дня лишь благодаря тому, что она хранила крохотную сумму на депозитном счете и, узнав о кредите, немедленно его закрыла.

– Ты же медик, неужели нет работы? – удивлялась подруга.

Анна вздохнула и посмотрела в окно. Работа в сфере медицины её совершенно не привлекала.

– Тоска, – тихо и протяжно выговорила она.

Катка резко подскочила:

– Только не вздумай брать еще один быстрый займ! На панель пойдешь, дура!

– Не буду я! – обиженным голосом пообещала Анна.

– Зачем ты вообще согласилась на банкротство?

– Они как цыгане – запудрили мне мозги.

На самом деле Анна приняла решение сходить к адвокату, чтобы выяснить, возможно ли и как правильно привлечь Сергея к выплате по закону. Но идти с этим вопросом в полицию было стыдно, а адвокат по определению не может унижать клиента, как бы ни обстояло дело. Молодой же сотрудник юридической конторы с избыточным количеством геля на голове утверждал, что полиция займется розыском только в том случае, если его объявить пропавшим, однако это не является правдой, поскольку близкие родственники Сергея с ним на связи. Но даже если получится его отыскать – проблема не решится. С точки зрения закона обязать его вернуть долг невозможно, лучше подать на банкротство.

– Обещали сразу избавиться от долгов, но на самом деле все совсем не так. Я купила подделку у уличного торговца.

– Шулеры, – задумчиво протянула Катя, – профессиональные.

– Как думаешь, я могу сейчас отказаться от заявления?

Катя пожала плечами – она тоже в этом мало что понимала.

– Хорошо хоть этот мужчина меня не обманул, – вымолвила Анна, имея в виду сына бабы Нины.

За все это время хозяин квартиры позвонил ей лишь однажды – попросил забрать у нотариуса некие документы и отправить ему службой доставки. Ни о чем не спрашивал и ничего не говорил о будущих перспективах их соглашения.

– Да, но год уже прошел, – серьезно проговорила Катя. – Со дня на день он возникнет на пороге с новым предложением или выгонит тебя. Ему может не понравиться мое присутствие, например. Потребуется больше денег.

Немного помолчав, она добавила:

– Может, переехать в отцовскую квартиру?

Мысль о той квартире еще больше вгоняла Анну в тоску. Но определенная логика в переезде была, ведь неизвестно, как обстоят дела с квартирой отца. Что, если объявится кто-то с завещанием или дарственной? Кто знает, как жил её отец последние семь лет, с кем пил и какие с кем дела у него были? Если бы в любой ситуации хватало духа проявлять упрямство, бороться с остервенением за свою собственность... Но у неё не было нужной силы характера. Как и всегда, Анна могла только надеяться на лучший исход.

– Съездишь со мной туда? – спросила она подругу.

– Конечно.

Постепенно девушки перешли к обсуждению менее злободневных тем. У Катки на работе завтра планировалось важное совещание, и она ушла спать еще до полуночи, а Анна осталась одна на кухне в раздумьях: «Три месяца. Надо было просто продержаться три месяца, а не слушать адвоката». Но теперь деваться было некуда, она сама поставила себя в более слож-

ную ситуацию. А если на самом деле отказаться от идеи с банкротством и переехать? Но от долгов так просто не убежишь. И зачем только Катька сказала про сломанные ноги! Эта глупая фраза не выходила у Анны из головы. Учитывая также то, что проценты росли в геометрической прогрессии, приемлемое решение нужно было искать немедленно.

Утром она дождалась, пока соседка уйдет, и нашла в интернете данные о коллекторской компании, которой теперь была должна. Переписала на листок адрес, телефон и имя генерального директора: Михайлов Константин Николаевич. Баба Нина часто твердила: «Если хочешь чего-то добиться или получить, иди сразу к главному. Не веди переговоры с батраками».

В свое время у неё были деньги, статус и уважение, она часто принимала участие в социальных проектах. Куда утекли сбережения бабы Нины в конце её жизни, Анна не знала. Может, отдала на благотворительность или отправила сыну, а может быть, и потратила большую часть, пытаясь бороться с болезнью, еще до того, как сводная внучка переехала в её дом и приняла на себя все тяготы заботы о больной.

«Нужно держать голову прямо! Это – переговоры! Я не должна выглядеть попрошайкой! Мне просто нужна отсрочка», – бормотала Анна, вытягивая багровый рукав из разноцветного комка перемотанной меж собой одежды.

Она была довольно хорошенькой: среднего роста, стройная, длинные светлые волосы, ясные голубые глаза, пухленькие губы и острый носик. Но сама она предпочитала не замечать своей красоты. В повседневной одежде Анна ценила элегантность, строгость и вместе с тем простоту. Она практически не пользовалась косметикой и собирала волосы в пучок. Сегодня же Анна провела у зеркала почти десять минут: нанесла тональный крем, осторожно подвела глаза и подкрасила ресницы, помаду положила в сумку. Надела свое выходное платье с глубоким вырезом и подчеркнула ложбинку на груди любимым кулоном.

На улице было прохладно, но солнечно. От вчерашней смурной погоды не осталось и следа, лишь небольшие лужицы поблескивали вдоль дороги, а солнце играло в них, оно играло на стеклах машин, на лицах людей. Солнце плясало перед всеми, и прохожие непроизвольно морщились и улыбались ему – день обещал быть хорошим. Вместо завтрака Анна купила по дороге стакан крепкого кофе, она не любила его горький вкус, но кофеин действовал на неё мгновенно: опьянял словно алкоголь, придавал бодрости и смелости. «Я справлюсь с этим, во что бы то ни стало. Я должна!» – продолжала твердить себе пропавшая в долгах девушка.

Коллекторская компания находилась в одном из спальных районов города, в обшарпанном здании бывшего дома культуры, построенного еще в 50-х годах прошлого века, но именуемое ныне гордо «офисный центр “Престиж”». В комнате сидел невысокий мужчина в форме, чуть дальше располагалась секретарская стойка, из-за которой торчали две женские головки. Анна спокойно прошла мимо охранника и поравнялась с секретарями. Незнание дальнейшего маршрута к кабинету генерального директора привело к тому, что все присутствующие обернулись на неё.

– Что вы хотите? – лениво подняв голову, спросила молоденькая круглолицая девушка.

– Я хотела поговорить с директором, – тихо сказала Анна, стараясь не привлекать к себе ещё больше внимания со стороны охранника и второго секретаря.

– Почему с директором? Что у вас там за проблема? – зевнув, снова спросила девушка.

– Только с директором! – Анна не хотела сдаваться, хоть и понимала, что выглядит глупо.

Охранник чуть напрягся и придвинулся ближе, секретарша нахмурилась, Анна набрала воздух в грудь... Вот-вот должен был разгореться скандал, но из двери слева появился высокий худощавый мужчина, на вид лет сорока пяти, и безразлично спросил:

– Что тут?

В глазах секретарши появился легкий испуг:

– Очередной неплательщик, – она указала на Анну.

«Да уж, – подумала Анна, – как ни старайся, выше головы не прыгнешь».

Глаза мужчины скользнули по ней сверху вниз, слегка задержались где-то в районе груди, он нахмурился, уткнулся взглядом в пол, отвернулся и тихо сказал, уходя обратно за дверь:

– Проходите.

Анна, не взглянув на остальных, быстро просочилась в кабинет за человеком, который лишь с вероятностью 50% был генеральным директором, но выбора не было: её уже трясло от страха, а ноги подкашивались, – кофеин предательски покинул её кровь.

– Садитесь, – услышала она спасительное за спиной, выдвинула стул и осторожно опустилась на кожаное сиденье.

Предполагаемый директор сел за стол напротив. На столе стоял компьютер, а вся остальная поверхность была закидана документами.

– Слушаю, – сухо сказал он, уткнувшись в свои бумаги.

– Я по поводу своего долга... – тихо пролепетала девушка.

– Долги платить надо, а не ходить туда-сюда, – сохраняя отсутствие интереса, проговорил мужчина.

– Я заплачу, но мне бы отсрочку.

– Какой номер?

– А?

– Номер плательщика.

Анна впопыхах достала долговое извещение, быстро пробежалась по нему глазами и, найдя номер, продиктовала его. Мужчина быстро набрал номер на компьютере, уткнулся в монитор, при этом он потирал лоб пальцами, и Анне казалось, слегка улыбался.

– Я смотрю, вы и в суд успели сходить...

– Да. Но я передумала, хочу забрать заявление.

– Что так? – издевательски спросил он.

– Мне просто нужна отсрочка.

– Только один платеж, и тот неполный, – проговорил мужчина. – У вас в итоге сумма штрафа превысила сам кредит, вы это понимаете?

– Простите...

– Вам были нужны деньги на лечение или что-то вроде того? – не давал он ей продолжить.

– Нет, – тихо пробормотала Анна. Врать она не умела, да и могут спросить доказательства, – кредит брала, когда с парнем жила, на машину.

– Продайте машину.

– Она на него была зарегистрирована.

– И?

– Он уехал.

Директор заулыбался во всю ширину лица, откинулся на спинку стула и смотрел на Анну как на забавного зверька.

– И вы пошли к адвокату, чтобы судиться с нами, а не с ним?

Анна не знала, что говорить – как ни старайся, перед кредитором с этой историей жертву обстоятельств из себя не представишь.

– Вы понимаете, – продолжал человек напротив, – что адвокаты и суды не сделают вашу жизнь проще? Для них вы просто источник дохода, и чем дольше тянется ваше дело, тем им лучше.

– Как интересно, – задумчиво произнесла Анна, – у меня нет никакого дохода, но я для всех источник.

– С глупыми людьми подобное случается, – отрезал кредитор.

Возразить тут было нечего, но должница продолжила зачем-то оправдываться:

– Дело в том... я не знала, что он не платил. Я думала, все в порядке, и только...

– Ответственность. – прервал её собеседник.

– Что?

– Есть такое слово, знаете его значение? Вы взяли кредит на свое имя, поэтому именно вы должны были следить за тем, чтобы счета оплачивались. Вы, а не кто-то другой! Нечем платить? Зачем брать, если нечем платить?

Анна лишь покорно опустила голову, позволяя кредитору продолжать отчитывать её.

– Допустим, вы узнали о неуплате спустя какое-то время, но я не вижу регулярных платежей на данный момент. Почему?

– Фирма, в которой я работала, внезапно разорилась. Вдобавок мне приходилось отдавать деньги отцу.

– Приходилось?

– Он недавно умер.

– Мне очень жаль, но прошедшее время – здесь существенный фактор. К тому же меня это все не интересует, меня интересует ваш долг по кредиту. Итак, вы должны мне почти 500 тысяч, что будем делать?

– Об этом я и хотела сказать, – затараторила Анна, – дело в том, что у отца осталась квартира, я смогу её унаследовать через три месяца и продать. Тогда выплачу весь долг. Поэтому можно мне отсрочку получить? А то штрафы несоразмерно большие.

– Процесс наследования и продажи может занять куда как больше времени, чем ты думаешь, и ты хочешь отсрочку на все это время? – строго спросил он, беспардонно перейдя на «ты».

Анна молчала, не смела даже поднять глаз, лишь бросала на человека напротив беглый взгляд и тут же опускала голову. Она чувствовала, что вот-вот разрешится. «Позорище! Просто ходячее позорище!»

– Сделай милость, – продолжал кредитор, – прекрати маяться ерундой, расхаживая по адвокатам, и искать способы не платить долг, а просто возьми себя в руки. Сколько ты зарабатываешь?

– У меня нет работы. Именно поэтому и прошу отсрочку. Как только я устроюсь, сразу начну платить регулярно, а решится вопрос с квартирой – выплачу все разом.

В течение всего разговора он продолжал смотреть на неё с интересом, без доли раздражения, слегка отклонившись вправо, прикрыв рот ладонью и потирая щеку указательным пальцем.

– Бог с ним, с процентом! – сдалась должница под этим взглядом, но нужно было добиться хоть чего-то, раз пришла и пережила весь этот унижительный разговор. – Просто попросите людей не приходить, мне перед соседкой неудобно. Я никуда не денусь.

– И когда работу найдешь? – с ухмылкой спросил директор.

– Я пытаюсь найти, правда, – на глазах несчастной появились слезы, сдерживаться уже не было сил.

– Кто пытается, тот находит! – Мужчина достал газету из выдвижного ящика стола. – Вот, – кинул он газету на край стола, ближе к должнице, – попробуй позвонить хотя бы в одно место. Если при мне найдешь работу, я соглашусь дать отсрочку до первой зарплаты без дальнейшего начисления процентов.

– Прямо сейчас?

– Давай-давай, звони! – уже с явной издевкой произнес директор.

Анна смущенно листала газету. А что, если этот человек вовсе никакой не директор, а мелкий сотрудник, который решил просто поиздеваться над бедной девушкой? Но попробовать стоило – других шансов в настоящем не предвиделось. Она достала телефон и стала набирать номер.

Вдруг в кабинет зашел молодой парень, на вид – типичный представитель золотой молодежи, в джинсах и черном пиджаке. Его стиль был нарочито небрежным, а карие глаза горели

юношеским задором. Он был того типажа людей, что сразу притягивают к себе взгляд и вызывают легкую зависть: уверенный в себе, смотрящий на других с наигранным снисхождением. Грозный собеседник Анны перевел внимание на посетителя, и она прервала бессмысленное штудирование газеты, замерев, как притаившаяся мышь в углу.

– О! У тебя посетитель. Извиняйте! – громко и весело произнес парень, обратившись к хозяину кабинета.

– Не обращай внимания. Что ты хотел?

– Хотел поговорить о практике.

Директор же перевел взгляд в сторону Анны:

– Я не слышу, чтобы ты звонила, – сурово сказал он.

Она вновь стала судорожно набирать номер.

– Ты еще кого-то усыновил? Я должен об этом знать, – не меняя свой задорный тон, продолжал молодой человек.

– Не говори глупости. Что насчет практики?

Послышался разговор Анны – речь явно шла о сетевом маркетинге.

– Мне её жалко, – молодой человек кивнул в сторону несчастной девушки.

– Не обращай внимания, сказал же!

– Я хотел, чтобы ты помог с делом, которое мне дали, – перевел он взгляд на директора. –

Пожалуйста.

– Сам не хочешь?

– Да знаю я... Я все сделаю сам, ты только посмотри, сделал ли я достаточно.

– Ладно. На выходных сойдет?

– Спасибо. Спасибо! Я почти готов тебя обнять, – заулыбался парень, но, уловив строгий взгляд своего собеседника, тут же стушевался. – Все, пока. Желаю ей удачи, – и, уходя, снова посмотрел на Анну как на бездомного щеночка.

– Ну что? – строго спросил директор, когда закрылась дверь за гостем.

– Один сетевой маркетинг, но я бы могла устроиться через биржу, – хныкала Анна.

– Боже, что ты ревешь, как девственница перед свадьбой?! – только теперь в его голосе послышалась нотка раздражения, он достал телефон и набрал номер. – Алло, привет. Как идут дела? Хорошо. Тебе еще нужна официантка? Я пришлю одну, но без привилегий. Увидимся.

Директор, отложив телефон, написал на листке адрес и протянул ей со словами:

– Держи. Ступай туда незамедлительно. Скажи, от Константина. Но учти, если не придешь, я лично завтра явлюсь к тебе домой за своими деньгами, и поверь: сам я намного страшнее тех студентов, которых присылаю.

Анна испугалась. Личный визит – это явная угроза от подобного рода людей, поэтому просто молча взяла листок. В этот момент она посмотрела прямо на кредитора и увидела его глаза – злые глаза, пугающие.

– Там точно ищут официантку? – вырвалось из уст неплательщицы.

Директор уставился на нее, проявление строптивости окончательно вывело кредитора из себя:

– Чего? – повысил он тон, и взгляд его сделался еще злее.

– Да, я пошла, – осознав свою ошибку, вымолвила Анна и пулей выскочила вон.

Быстро пролетев мимо работников к входной двери и очутившись на улице, она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Перед глазами темнело, а ноги стали словно ватные. Пытаясь немного успокоиться и собраться с силами, Анна села на корточки и вспомнила, что по данным из интернета директора как раз зовут Константин – Константин Николаевич Михайлов, а значит, она говорила с нужным человеком.

«Хоть что-то получилось, может, и дальше все образуется».

Прочитав адрес на бумаге, она встала, поправила подол платья и направилась к автобусной остановке.

Глава 2

Спустя полчаса Анна медленно плелась по указанной улице. Чтобы найти её, потребовалось воспользоваться навигатором в телефоне, поскольку начало улицы скрывалось между двумя криво поставленными домами. По дороге сюда она уже изрядно успела потрепать себе нервы, предполагая различные сценарии дальнейших событий: это ведь не столько помощь, сколько кабала. Могут ли действительно кредиторы заставлять должников работать на себя в качестве уплаты долга, как в кино? Могут ли заставить делать что-либо против воли? В сложный период её мысли всегда летали как сумасшедшие, от самых пугающих предположений к самым обнадеживающим. Они были последовательны, но в то же время противоречивы, боролись друг с другом, и в этих баталиях почти невозможно было найти компромисс. То пытаясь отключиться от навалившихся проблем, то глотая антидепрессанты, Анна боролась с окружающим её миром, как могла. Всей душой она хотела найти человека, способного всегда быть рядом, в любой ситуации крепко держать её за руку и принимать решения за двоих. Но в итоге первые отношения закончились новыми неприятностями, с которыми приходилось разбираться в одиночку.

Анна шла по узкому тротуару богом забытой кривой улочки, уводящей неизвестно куда. Обшарпанные стены домов были почти без окон, а на тех редких окнах, что имелись, висели тяжелые решетки. От этого пейзажа на душе становилось все тягостнее. Наверное, именно по таким улочкам ночью ходят потерянные призраки. Она и сама была сейчас лишь призраком – никем не узнанная, не согретая, никем не любимая, запутавшаяся в обстоятельствах где-то между светом и тьмой, между тоской и разочарованием, между одиночеством и надеждой. Как и призраки, она не знала: что ей делать в этом мире, где её цель? Никто не волновался о ней, никто не ждал, она может просто пропасть. Ей представилось, будто она тянется к магнитам с обратной стороны колеса удачи, оно накренилось, адски скрипело и в любой момент могло размазать её хрупкое тело, как масло, по металлическим прутам.

Впереди показалась вывеска бара «Кошей». Прибавив шаг, Анна подошла ближе и остановилась, чтобы рассмотреть вывеску, на которой был изображен портрет сказочного героя с крючковатым носом, он держал костлявыми пальцами полную кружку пива и широко улыбался. Дверь была не заперта, хотя на ней и висела табличка «закрыто». Вокруг никого, кроме одного мужчины, стоявшего напротив. Вид у него был растрепанный: светлые взъерошенные волосы, у куртки закатаны рукава, из-под них свисали манжеты рубашки, рубашка также торчала из-под подола куртки. Он склонил голову и как-то странно улыбался – словно насмеялся или ему открылась некая великая истина. Этот тип смутил девушку своим видом, Анна попятилась и решила пройтись еще немного с целью настроиться на очередной нелегкий разговор.

Через три минуты она вышла на оживленный проспект, отсюда за пятнадцать минут можно было дойти до городского вокзала.

– Тетенька, тетенька! – послышалось за спиной сквозь шум машин.

Эти слова показались Анне знакомыми. Оглянувшись, она увидела, как ей улыбается невысокая, черноволосая, совсем юная девчушка, на ней было милое зеленое платье в горошек и розовая кофточка.

– Вы меня помните, тетенька?

«Тетенька» смутилась, но в её голове начал проявляться некий сюжет из прошлого.

– Я была у вас в гостях, помните? – не отставала девчушка.

И тогда Анна целиком восстановила в памяти историю, случившуюся с ней примерно три года назад. В тот период она работала администратором в стоматологической клинике и снимала комнату в общежитии. Как-то вечером, направляясь после работы домой, Анна уви-

дела на остановке плачущую девочку, на вид ей было лет 13–14. Девочка куталась в шарф и дула себе на руки, пытаясь согреть их, её куртка была чистой, но чересчур тонкой для осеннего дождя. Замерзшая и растерянная, она, высматривая что-то на асфальте, не издавала ни звука, ни всхлипа, но по розовым щекам катились слезы. Анна сразу вспомнила, как сама иногда убегала из дому в любую погоду, и не смогла пройти мимо этого ребенка. Она присела рядом и наклонилась ближе к горемычной:

– Эй, ты в порядке?

Девочка в ответ лишь помотала головой.

– Что случилось? Где ты живешь? Ты же совсем замерзла!

– Я сбежала.

– Сбежала? Не рано ли тебе из дому убегать, да еще и в дождь? – Анна держала шуточный тон, стараясь не спровоцировать своей речью море слез в ответ.

– Я не из дому сбежала, – тихо произнесла девочка.

– Не из дома? А откуда?

Наконец девочка подняла голову и посмотрела на Анну огромными карими глазами.

– У меня нет дома. Я из приюта сбежала.

– Ааа, вот оно что.

Анна отдавала себе отчет в том, что детдомовские дети совсем другие. Они не доверяют взрослым и часто врут, для них ложь – не просто защитный механизм, а способ выживания. Тем не менее Анна не могла оставить этого ребенка мерзнуть на улице.

– И давно сбежала?

– Сегодня утром. Четыре часа ехала.

– Четыре часа? Далеко!

– Ай, – махнула та рукой и перевела взгляд обратно на землю, – завтра вернусь.

– Голодная?

Сирота кивнула в ответ.

– Пойдем, я куплю тебе чай и что-нибудь поесть, хоть согреешься, – Анна указала на блинную напротив.

Девочка снова посмотрела на неё:

– Меня Мара зовут.

Анна представилась в ответ, встала и, взяв беглянку за руку, повела её за собой через дорогу, чтобы накормить.

В блинной было много народу, но места все же нашлись, повеселевшая Мара с аппетитом уплетала блины с клубничным вареньем и говорила:

– Вам не стоит волноваться, я туда вернусь завтра. Просто там есть ребята, они меня иногда задирают. Я стараюсь не влезать в неприятности и обычно прячусь от всех. У нас в доме есть уборщик, милый старик, он разрешает мне отсиживаться в его кладовой. Он заболел вчера, и я сбежала. Мне нельзя влипать в неприятности.

Последнее предложение она проговорила с тоской в голосе и вздохнула. Расправившись с блинами, Мара повернулась к окну, оперлась подбородком о ладонь и стала смотреть на прохожих.

– Можно ведь немного посидеть здесь, если мы заказали? – спросила она.

Девочка выглядела несчастной и казалась искренней, и Анна прониклась к ней душой, сама не понимая почему.

– Хочешь остаться на ночь у меня? – сказала она, уступив своей природной сострадательности, но тут же несколько разумных опасений завертелись в голове: «А если девочка украдет что-нибудь? Может, она наркоманка?»

– А можно? – с придыханием спросила девочка, обернувшись к доброй девушке.

Её наполненный слезами и благодарностью взгляд подкупил Анну окончательно, и она не смогла пойти на попятную.

– Ты будешь хорошо себя вести? У меня много соседей, надо быть послушной и тихой.

Анна соврала: из соседей были только молодая пара и один парнишка, который вечно где-то пропадал.

– Я буду очень хорошо себя вести! – обрадованно вскричала Мара. – Я уеду утром на вокзал. Наш детдом находится в Приютино, четыре часа, – выставила девочка вперед руку, согнув большой палец, – я говорила.

– Договорились!

И пока девочка собирала свои вещи, которые со свойственной любому ребенку неприужденностью разбросала вокруг – курточку на соседний стул, рюкзак на пол, шарфик на подоконник – Анна пыталась вспомнить какую-нибудь информацию о названном поселке, но ничего конкретного на ум не пришло.

Ни одно из опасений Анны не подтвердилось в ту ночь. Девочка вела себя прилежно, она уселась у телевизора и смотрела весь вечер различные передачи, так и уснула рядом с телевизором. «Наверное, в детдоме ей не дают спокойно посмотреть», – подумала Анна, укрывая пледом её хрупкое тельце. Встала девочка рано, собралась и дождалась пробуждения своей благодетельницы.

Открыв глаза, Анна увидела сироту возле зеркала, девочка рассматривала шкатулку с украшениями. Дорогих вещей в шкатулке не было, только бижутерия.

– Хочешь что-нибудь? – спросила гостью хозяйка.

Но девочка помотала головой:

– Наоборот, – и она протянула Анне маленькую металлическую коробочку, – намеревалась подарить тебе одну вещь.

Внутри лежал довольно крупный и необычный камень: по краям ровный, но поверхность его была похожа на пенные волны и переливалась черно-красным цветом с отблеском серебра. Анна никогда такого не видела.

– Необыкновенно красивый! Он не дорогой?

– Дорогой. Но это не в деньгах измеряется. В деньгах он ничего не стоит.

– А в чем?

– Просто не потеряй! Береги его.

– Может, оставишь его себе?

– Мне он не нужен, там все равно украдут и будут новые неприятности. А у тебя будет храниться и принесет удачу.

– Позавтракаем? – спросила Анна, отложив коробку с камнем.

– Нет. Я только возьму у тебя немного печенья, – девочка показала своим худеньким пальцем на упаковку сладостей, лежащую на столе. – Я иначе опоздаю.

Первое время Анна не знала, что делать с подарком. Носить не хотелось – возможно, беспризорница его украла, но, вспоминая глаза девочки и просьбу сохранить эту вещицу, выбросить рука не поднималась. Камень пролежал в коробке почти год, пока баба Нина не встала его в золотую оправу ко дню рождения внучки, и всякий раз, когда Анна надевала кулон, выходя из дому, все обращали на него внимание, отмечали оригинальность и красоту камня. Анна полюбила носить это украшение и практически не расставалась с ним. Испытав сильные материальные трудности, она подумывала отнести кулон к ювелиру и продать золотые элементы, но пожалела.

...Узнав в юной девушке ту самую беспризорницу, подарившую ей милый подарок, Анна радостно воскликнула:

– Мара! Это ты?!

– Да! Только меня Настя на самом деле зовут.

И девочка, порывшись в сумке, быстро приставила к её лицу разворот паспорта:

– Вот!

Аня не успела ничего разглядеть в документе, как та, так же резко, убрала паспорт обратно.

– Настя? А почему...

– Мне же было 13 лет! Это была игра, – махнула уже не девочка, а девушка рукой. – А теперь я взрослый свободный человек и мне дали комнату в общежитии – гордо произнесла она.

Очевидно, она была очень воодушевлена тем, что вступила во взрослую самостоятельную жизнь.

– Здорово! Что дальше планируешь делать? – поинтересовалась Анна из вежливости, но сама думала о том, как бы закончить разговор побыстрее: сейчас её душевных сил не хватало на вежливость и соучастие чужому человеку.

– Пойду учиться в университет.

– Молодец!

– Ладно, тетенька, не буду вас задерживать. Мне еще нужно найти одного человека, – Мара-Настя махнула рукой и быстро пропала в толпе.

«Как же странно, – подумала Анна, – почему я встретила её именно сегодня? Если подумать, она принесла мне капельку удачи в прошлом. После встречи с ней я нашла хорошую работу. Ай! Не сказала про камень! – и она машинально прикоснулась к груди, где под шарфом прятался кулон, – ей бы было приятно».

Прибавилось немного решимости: кто знает, может, и в этот раз все изменится к лучшему? Вернувшись к бару, Анна не обнаружила напугавшего её человека. Еще немного посмотрев на вывеску – было в этом портрете что-то зловещее и в то же время забавное, – и посчитав в уме до трех, она толкнула тяжелую деревянную дверь.

Бар оказался просторным, заставленным дощатыми столами и лавками по сторонам, по центру был свободный проход к барной стойке. На стенах, облицованных кирпичом, много полок со всевозможным хламом: настольные игры, книги, старая печатная машинка, куклы и прочее. Как и положено в подобных местах, общее освещение было приглушено, но у каждого столика на стене располагался светильник, который можно было зажечь по желанию клиента. На всех столах стояли емкости со специями и основное меню.

За барной стойкой немолодой мужчина протирал стаканы. Высокий, плечистый, гладко выбритый, короткие седые волосы были слегка приподняты.

– Простите, я насчет работы официанткой, – проговорила Анна с порога.

– Ты от Константина? Откуда его знаешь?

– Я пришла к нему просить отсрочку по долгам. Мне срочно нужна работа.

– Да ты что? Наш капитан, видать, сегодня в добром духе, – мужчина сделал паузу, увлеченно рассматривая что-то в сухом стакане. – Я тебя возьму, если будешь работать хорошо. Платить буду мало, но накормлю, и чаевые твои. Влад, – и он протянул руку для пожатия.

– Вы меня берете? – спросила Анна, пожимая его руку в ответ.

– Что просит Костя, я всегда делаю! – и Влад заодно подмигнул ей.

– Как будто вы тоже ему должны. – попыталась она завуалировать под остротой свое любопытство.

– Типа того... В общем, бар открыт с четырех часов дня до последнего посетителя, это примерно до двух ночи, плюс-минус. Сегодня приходи к шести, разрешаю. Ты где живешь?

– На Благовещенском.

– Ясно. Автобус ходит до часу, если будешь оставаться дольше, я тебя отвезу после работы или вызову такси.

Анна согласно кивала головой.

– Бояться нечего, – продолжал Влад, – посетители у нас в основном хорошие, постоянные. Всякое, конечно, бывает, но редко.

Хозяин бара с первого взгляда произвел хорошее впечатление, показался ей добрым и порядочным, однако предыдущий неудачный опыт в поиске работы не шел у неё из головы. Она немного замаялась, но, осознавая свое невыгодное положение, решила обозначить границы заблаговременно и повторила вопрос, заданный ранее кредитору:

– Это правда работа официанткой, ничего такого?

– Чего «такого»? – насмешливо переспросил бармен.

Конечно, он понял, о чем спрашивала девушка, и Анна видела это в его ироничной улыбке, отчего сконфузилась, расценив такое поведение бармена как ответ на её обидные подозрения.

– Не знаю, – пролепетала она.

– Может, иногда туалет попрошу помыть. У нас есть уборщица, но всякое случается. Это все.

«И не надоест же позориться перед чужими людьми!» – самокритика в последнее время стала для неё привычным делом. Анна посмотрела бармену прямо в глаза и выдавила улыбку, чтобы хоть как-то улучшить первое впечатление о себе.

– Я приду в шесть.

– Трудовую возьми, у нас все официально! – и Влад сделал жест в сторону выхода.

«Мне везет» – радовалась девушка тому, как все сложилось. Придя домой, она первым делом разделась и залезла в ванну. Шум воды успокаивал, заглушал неугомонные мысли, и волнение словно уходило в пелену вместе с самими неприятностями, породившими его. Вся жизнь была просто сном где-то там – по ту сторону голубой пластиковой занавески с рыбками. Колесо провернулось, и на смену неудачам пришло нечто хорошее, немного благоприятных стечений обстоятельств и добрые люди. Если один человек предает, тут же появляется кто-то другой и открывает новую дверь, запуская в твою жизнь каплю света. Осталось продержаться совсем немного, и она выплывет из пучины событий в тихую гавань.

Катя вернулась с работы рано и застала подругу перед зеркалом.

– Ты куда? – спросила она.

– Устроилась на работу, официанткой, – не вдаваясь в подробности, ответила Анна.

– Официанткой? Паршиво...

– Мне сейчас любая сгодится. Надо было раньше искать работу попроще, а не строить из себя специалиста.

– А не лучше ли медсестрой? У тебя же диплом!

– Нет. Платят и того меньше, а работа ничуть не легче, наоборот, тяжелее.

Катя пожалала плечами, запрыгнула на свою кровать прямо в той одежде, в которой пришла и, уткнувшись взглядом в экран смартфона, пожелала подруге удачи.

Вечером бар был почти пуст: интеллигентного вида старичок сидел с небольшим графином беленькой, а в глубине – оживленная молодая пара, они рассматривали экраны телефонов, громко говорили и смеялись. Старичок поглядывал на них искоса, но с улыбкой, наливал из графина в стопку, выпивал, а затем накалывал на вилку кусочек закуски с тарелки и отправлял её в рот. За стойкой стоял молодой человек с русыми вьющимися волосами чуть ниже мочки уха и приветливо улыбался, оглядывая посетителей.

– Простите, а Влад здесь? Я новая официантка, – обратилась к нему Анна.

– Да, он меня предупредил. Босс подойдет через минуту и все тебе покажет и расскажет.

Через минуту в баре появились новые посетители, они сели за стол и, подняв руку, позвали официанта, так что шанса получить инструктаж от нового начальника не представилось. Влад без лишних слов вручил Анне блокнот и ручку:

– Просто прими заказ. Разберешься со всем по ходу.

Анна сняла с плеча сумку и отдала её молодому бармену, тот подмигнул ей:

– Я помогу, не переживай!

Спустя пару часов в баре появился сам Константин Николаевич, он подошел к стойке и уселся напротив Влада, тот поставил перед ним бокал и налил директору коньяку.

– Уже работает? – посмотрел Константин в сторону Анны, крутящейся возле столиков.

– Вроде старается. Ты её что, пожалел?

– Сам не знаю. Разревелась, – директор постучал по стойке пальцем в знак того, чтобы бармен налил ему еще.

– Мягкосердечный ты все-таки, и общительный, – нарочито ласково проговорил Влад.

– Ну, скажем так: нынче от людей меньше воняет.

– Фу на тебя! Умеешь же романтику испортить!

Директор только усмехнулся в ответ и добавил:

– Да и есть у неё кое-что...

– Что?

– Не важно. Я не уверен.

В бар зашел крупный мужчина в полицейской форме с погонами и прошел к самому дальнему угловому столику, Константин Николаевич недовольно покосился на него.

– Давай еще, – сказал он, выпив вторую порцию.

– Какой у неё долг? – спросил Влад, наливая.

– Тебе что за дело?

– Просто интересно.

– Большой.

– Разрешишь отсрочку?

– Зарплату её сразу мне отдашь.

– Чаевые не всегда дают...

– Знаю. Будут давать много – и их заберу.

– Да ладно тебе! Может, девчонке просто не повезло в жизни?

– Полгода не работает. Как думаешь, почему?

– Нет, есть тут какая-то записка...

Влад нахмурился, разглядывая её трудовую книжку – зрение его уже подводило. Константин выхватил трудовую, посмотрел и бросил обратно.

– Безответственная, – заключил он.

– Молодая еще, почти ребенок.

– Давно уже не ребенок! Пора бы и поумнеть.

К ним подошла Анна, она поставила на стол поднос, поправила фартук и сказала заискивающе, как только могла:

– Добрый вечер! Вы позволите мне отсрочку?

– А ты не уволишься завтра? – с усмешкой спросил директор.

– Нет.

– Не-ет, – передразнил он ее. – Зарплату он будет мне отдавать, – указал кредитор кивком на Влада, – а если вздумаешь уволиться, никаких поблажек по процентам не будет!

В один момент настроение можно испортить с прекрасного на отвратительное. На ласковый прием она и не надеялась, но бесцеремонность директора обижала и возвращала к тому факту, что хозяин бара работает в интересах кредитора. Условия были жесткие: в этом городе чаевые – скорее сенсация, чем обыденность, но следует быть благодарной хотя бы за это.

– Спасибо, – только и пролепетала она в ответ и оставила мужчин одних.

– Боже, как же трудно быть снисходительным! – съязвил Константин, закатив глаза.

– Тебе зачтется, – усмехнулся Влад.

– Шутки не смешные у тебя, – зыркнул тот на Влада, затем опять покосился на сидевшего в дальнем углу полицейского: – Мерзкий тип, но ничего не поделаешь, – и хлопнул бокалом по столу: – Мне хватит!

Константин Николаевич встал и отправился к столику, за которым сидел полицейский. Не протянув руки, он просто сел напротив и вопросительно уставился на него.

Анна взяла наполненный поднос и собралась идти к столикам, но Влад схватил её за руку: – Больше ни о чем его не проси! Не испытывай судьбу!

Конечно, он хотел как лучше, но словно разворошил веткой осиное гнездо. «Наверное, Михайлов – опасный человек. Все верно: люди, занимающиеся подобной деятельностью, не живут в соответствии с буквой закона. У таких свои правила и своя власть. Сделает со мной что-то, если я не буду отдавать ему деньги?.. Это он с полковником полиции говорит?.. Полковник, точно полковник», – рассматривала Анна погоны, убирая соседний столик.

Константин Николаевич слегка насмешливо улыбался и спрашивал полицейского:

– И зачем мне это?

«Стоп. Почему я этим интересуюсь? Не стоит ничего слушать, не дай бог впутаться во что-то!» – и девушка быстро ушла, а через несколько минут заметила, что обоих уже не было на месте.

Остаток вечера посетители в бар почти не заходили, и Влад смог рассказать новой сотруднице все тонкости работы. В начале первого часа ночи он отпустил её домой. Особой усталости Анна не чувствовала и, лежа в своей кровати, еще долго не могла уснуть. Из-за нервозности она часто мучилась бессонницей и теряла аппетит.

Стрелки настенных часов отсчитывали секунды, и с каждой секундой надежду в сердце вытесняло смятение из головы. Анну беспокоило, что кредитор намерен регулярно приходить в бар и держать её под своим контролем. Он вызывал у неё боязнь – не конкретных действий или вещей, а боязнь саму по себе, как страх ребенка перед темнотой. Тем паче, что сегодняшнее добродушие Влада и остальных сотрудников может оказаться лишь ширмой, скрывающей истинное положение дел.

«Будет ли мне хватать чаевых на жизнь? С ума сойти! Угроздило же вляпаться в такую историю!» Свет уличных фонарей проникал в комнату и создавал причудливые узоры на потолке. Она рассматривала их, и постепенно они увели её от тревожных мыслей: «Эта тень похожа на лошадь. Забавная лошадь». Так она уснула. Это был хороший день.

Глава 3

Спустя пару недель Анна полностью освоилась на новом месте и лихо справлялась с работой официантки. Сотрудники бара оказались весьма приятными людьми. Парня, что помогал Владу за барной стойкой, звали Олег. Он был довольно беззаботным: приходил позже всех, уходил раньше, зато умел не только разлить и смешать спиртное, но и развлечь посетителей, перекидывая бутылки через плечо или наполняя стопки, выстроив из них пирамидку. Еще он ловко перепрыгивал барную стойку, если ему нужно было в зал, а иногда даже пел. Наверное, процентов семьдесят девушек и женщин приходили сюда, чтобы полюбоваться молодым барменом. Анне тоже нравилось за ним наблюдать: во всем, что он делал, присутствовала особая театральность, словно он звезда мюзикла и играет роль. В баре царил теплая, добрая атмосфера – как если бы это была небольшая дружная семья. Семья состояла из пяти человек: Олег, повар Степан и его помощник Мишка, уборщица Зинаида Алексеевна, ну и сам глава семейства Влад – человек внимательный и отзывчивый, мягкий, бескорыстный, иногда, правда, смурной по каким-то лишь ему одному известным причинам.

За короткое время в этой семье Анна смогла с легкостью забыть о своих профессиональных амбициях. Да и какой она профессионал? Образование медсестры и два года работы секретарем никакого профессионала из неё не сделали, но тем не менее запись в трудовой о работе

официанткой опускала её на ступеньку ниже. Ну и что? Где она, та ступень, на которой нужно стоять?

Константин Николаевич приходил несколько раз и оставался с Владом наедине после закрытия.

– Ваш друг пришел! – кричал Олег, если Влада не было за стойкой при появлении директора.

– Они действительно друзья? – между прочим поинтересовалась Анна.

– Да. С чего бы ему еще сюда ходить?

Анна не верила в их дружбу – слишком уж они были разные. Но даже если они не друзья, сотрудники, вероятно, не состояли в курсе их дел.

Директор не говорил больше с Анной о деньгах и не угрожал, только однажды спросил, не тяжело ли ей работать по ночам. На что та смущенно помотала головой.

«Почему его это заботит?» – думала она.

Должница по-прежнему побаивалась своего кредитора: случись что – и полиция вряд ли встанет на защиту бедолаги вроде неё. «Из неблагополучной семьи» – это клеймо, тебя могут жалеть, но никто не считает, что ты имеешь право бороться за себя или своих близких. Ты просто должна склонять голову и радоваться любой помощи, и несомненно, построить в дальнейшем такую же неблагополучную семью. Именно так думают люди, и ты постоянно находишься под давлением этих мыслей и рано или поздно можешь сломаться.

Здесь некуда было спрятаться или убежать, это был не то чтобы очень маленький, но и не большой город. Люди в нем не знали друг друга, но делали вид, что знают, часто обращались друг к другу на «ты» и подходили слишком близко к собеседнику, даже когда заговаривали со случайным прохожим. Все это делало горожан зависимыми от чужого мнения, и, будучи подростком, Анна не могла сопротивляться установленным правилам игры. Когда она осталась одна с отцом, все пытались продемонстрировать ей сочувствие, а соседка по этажу ни с того ни с сего пробила для неё через знакомых своих знакомых место в медицинском колледже, не спросив мнения Анны или о её планах.

«Иди, отнеси туда документы, тебя возьмут», – Анна не осмелилась сказать, что способна сама сделать выбор и добиться чего-то не только этой доброй женщине, но и самой себе. Однако профессия медсестры ей совершенно не подходила. На практике в морге Анна испытала отвращение к человеческому телу и впоследствии выяснила, что прикасаться к живым столь же неприятно, как и к мертвым. С трудом получив диплом, она устроилась работать администратором в стоматологию за гроши, а потом одна из клиенток клиники переманила её в свою фирму. Начальницей она была хорошей и платила достойно, вдобавок обещала в будущем отправить Анну на курсы бухгалтеров, и Анна почувствовала себя наконец-то свободной, несмотря на сложные отношения с отцом. Теперь же, после всей череды неурядиц, приведших её в этот бар, она вдруг снова ощутила то самое чувство – словно вырвалась из плена.

В баре был свой маленький мир, в котором её прошлое и происхождение не имели значения. Где она не испытывала давления и стыда за то, что родилась в плохой семье, за то, что красивая и за то, что при этом верит в чистые идеалы. Никто здесь не стремился её жалеть, поддерживать или учить жизни. На душе стало легко, захотелось отложить заботы, несмотря на рухнувшую перспективу унаследовать квартиру отца в скором времени. Сумма долгов по квартплате составляла почти сто тысяч, и Анне неоткуда было взять эти деньги. Чаевые практически не давали, а в день, когда все сотрудники получили зарплату, Влад лишь извинился перед ней, правда, спросил, хватает ли ей средств на жизнь.

– Если нет, я поговорю с Костей.

Было очевидно: зарплата ей не светит не только потому, что она отработала от силы две недели, а в принципе: пока не рассчитается с кредитором.

– Нет, все в порядке, – Анна пыталась сохранить хоть каплю достоинства в этой ситуации. Но все, что она могла себе позволить в настоящее время – это горячие обеды в баре и немного продуктов с истекающим сроком годности.

«Может, поговорить с директором насчет денег за коммуналку?» – мелькнуло в голове, но Анна моментально отказалась от этой идеи: Нет! Он точно меня сожрет! Попробую найти временную подработку на утро».

В целом вечера в баре проходили спокойно: люди мирно отдыхали, выпивали, общались, отмечали разные события, знакомились, думали о своем. Но один тихий вечер нарушила шумная и неприятная компания. Они заказали еду и напитки, что-то громко обсуждали и бросали на официантку похотливые взгляды:

– Красавица, принеси нам чипсов и два кофе! – кричали они.

«Красавица... Они взаправду считают, что это приятно слышать?» – бурчала официантка себе под нос, собирая заказ на стойке. Олег добродушно улыбался, пытаясь её подбодрить, и одновременно смешивал коктейли для парочки студентов, отмечающих удачную сдачу экзамена. Но стоило Анне отойти, лицо бармена сделалось обеспокоенным и он направился в подсобку оповестить Влада о проблемных гостях.

«Придется привыкать», – вздыхая про себя, Анна через силу улыбалась грубым гостям, пока те смотрели прямо на неё и ехидно ухмылялись. Сидевший с краю бесцеремонно ухватил девушку за талию:

– С нами присесть не хочешь?

– Мне надо работать.

Улыбка посетителя превратилась в злую гримасу, он усмехнулся и сказал:

– Тогда принеси кофе.

– Вот же! – выругалась Аня, вернувшись к стойке.

Но делать было нечего, она прошла к кофемашине, сделала кофе и собралась было отнести заказ, но Влад остановил её, схватив под локоть:

– Иди на кухню, помоги там Степану. А мы тут сами.

– Но...

– Пошла, говорю, – Влад сделался непривычно серьезным и легонько толкнул её от стойки в сторону кухни.

Он переполошился не на шутку, поскольку знал, что это за люди и чем промышляют: торговля наркотиками, принуждение к проституции. Более того, Влад скучал по дочери, которая жила в другом городе, и отеческие чувства взяли над ним верх.

Анна же чувствовала, как гудели ноги от усталости, и не без удовольствия оставила работу. Проскользнув на кухню, она присела немного отдохнуть на стул рядом с дверью и тихонько смотрела в зал сквозь щель: там обслуживать неприятных гостей взялся Олег.

– Эй, кучерявый, зачем вы девушку от нас прячете? – посмеивались над ним неприятные гости. – А? Хотим, чтобы она нас обслуживала. Нужно быть уважительнее с клиентами!

– Она уехала, её смена закончилась, – равнодушно отвечал бармен, расставляя стаканы.

Анна не могла расслышать всего разговора из своего укрытия, но суть поняла. Случай на прошлой работе всплыл в памяти, и слабое неприятное чувство появилось в желудке.

– Что это за люди? – обеспокоенно спросила она у Степана.

Повар слегка покосился на неё и пробурчал:

– Не бери в голову.

Немолодой тучный человек, с тремя детьми и сварливой женой, Степан был не шибко общительным и радостным: говорил только по делу, но никогда ничего плохого. На самом деле он был вполне доволен своей жизнью, просто предпочитал не лезть в чужие дела.

– Чем я могу помочь? – поинтересовалась официантка у повара спустя пару минут.

Тот пошарил глазами по столам и подвинул ей корзину с яблоками:

– На, помой и нарежь для пирога.

Тем временем Влад внимательно следил за тем, как бармен обслуживал дебоширов, и когда тот вернулся, спросил:

– Ну что?

– Дело дрянь...

– Как бы их спровадить? – задумчиво произнес Влад.

Олег пожал плечами:

– Вы думаете, они пришли с умыслом?

Он всегда обращался к начальнику уважительно, одним из его талантов было умение позволять себе лишнее, не переходя порог дозволенного. Если он мог уйти с работы, когда вздумается, со словами «я пошел», то никогда не смел говорить с начальником по-панибратски или перечить во время работы.

– Как знать, – вздохнул Влад.

Внезапно все члены компании резко поднялись и стайкой направились к выходу. Невысокий лысоватый мужчина в кожаной куртке окликнул Влада:

– Эй, ты здесь главный? Подойди-ка на расчет.

Олег встал за стойку и улыбнулся двум женщинам с пустыми бокалами:

– Не желаете ли чего-нибудь еще?

Женщины замялись, но согласились повторить.

Смешивая коктейли, бармен исподлобья наблюдал за тем, как предводитель шайки говорил с Владом, то издевательски улыбался и подмигивал, то недовольно скалил зубы и размахивал руками перед лицом собеседника, в завершение он пренебрежительно бросил мятые купюры на стол и ушел.

Олег с подносом в руках подошел к начальнику помочь убрать стол. Посмотрев на деньги, он тихо констатировал:

– Этого мало.

– Мало, – голос Влада звучал подавленно.

Анна смогла вернуться к работе, но все детали инцидента так и остались ей неизвестны. Кто они такие? Что они хотели? Почему Влад был настолько обеспокоен?

Под закрытие в бар зашел Константин Николаевич и, как обычно, тихонечко сел за стойкой в углу.

«Все же есть в этой дружбе нечто странное», – думала Анна, надевая пальто. Она собралась было уходить, но начальник её остановил:

– Подожди!

Влад заглянул на кухню:

– Смотрялся уже, лоботряс, – речь шла об Олеге. – Слушай, – обратился он к Константину, – я её отвезу.

– Что-то не так? – насторожился директор.

– Ночь поздняя и беспокойно как-то на душе сегодня.

Константин Николаевич в недоверии прищурил глаза, но сказал спокойно:

– Ладно, я закрою твою забегаловку.

Влад быстро направился к выходу, но замешкался у двери, казалось, он хотел поведать другу о дебоширах, но не решался.

– Слушай, ты осторожнее тут по ночам.

Директор удивленно поднял бровь:

– Это ты мне?

– Да, тебе.

Константин Николаевич понял, что друг недоговаривает о чем-то, но не стал давить и выпытывать подробности.

– Хорошо, езжайте, потом разберемся, – и добавил с улыбкой. – Сегодня буду осторожен. Влад потряс кулаком в прощальном жесте, и они с Анной вышли за дверь.

– Где ты живешь? – спросил он её, усаживаясь в машину.

– Благовещенский, тринадцать.

– О'кей. Тринадцать... – выразительно повторил Влад и включил зажигание.

По дороге они не разговаривали, босс выглядел расстроенным и немного дерганым. Анна не стала беспокоить его еще больше лишними расспросами. Убедила себя в том, что происходящее не должно её касаться.

– Приехали. Ты одна живешь? – спросил Влад, когда они добрались.

– Нет, с подругой.

– Хорошо. Слушай, – не отпускал её начальник, – ты посиди-ка дома завтра. Я тебе позвоню.

– Это вы из-за той компании или хотите меня уволить? – не на шутку переполошилась работница.

– Нет, я тебя не уволю! Ты же Косте денег должна, как я могу?

Анне стало очень обидно из-за этой фразы, будто бы Влад держит её в баре исключительно по требованию директора, но как работник она ему совершенно не нравится.

– Неужели я виновата?

– Нет! Нет, просто даю тебе выходной. Ты ведь не брала до сих пор выходной?

Анна не стала отвечать, она попрощалась с начальником и медленно вышла из машины. Надежда задержаться в баре после уплаты долгов растворилась подобно сахарному песку в горячей воде – маленькая ложка душевного спокойствия сгинула в неукротимой кипящей лаве событий.

Катя еще не спала и вышла из комнаты навстречу, она сразу распознала плохое настроение подруги и ласково спросила, погладив её по плечу:

– Эй, чего глаза опять на мокром месте?

– Думаю, меня хотят уволить.

Девушки прошли на кухню, и Катя разлила горячий чай.

– Уволить? За что?

– Как твой новый парень?

– Нормальный. Не переводи тему, рассказывай!

– Случился сегодня один инцидент.

Анна уселась на стуле с ногами, обхватила ладонями кружку и замолчала, но соседка не сдавалась, её голос становился все тверже:

– А именно?

– Приходила в бар гадкая компания, они цеплялись ко мне. Босс велел завтра дома сидеть. Вот что со мной не так?

– Все с тобой так. Но ты слишком беззащитная, и это замечают плохие люди, – Катя сочувственно вздохнула. – На официантов часто смотрят сверху вниз. Как им это удастся, учитывая, что фактически они расположены ниже? – подшутила она, чтобы немного приободрить подругу.

– В отношениях между людьми законы физики не действуют, – грустно проговорила Анна в ответ.

– Они всего лишь посетители – люди, которые пришли и ушли, ничего не оставив в твоей жизни. Не стоит переживать. Но я не поняла, почему сказали дома сидеть?

– Не знаю. Владу виднее, что это за люди.

– Значит, сиди дома. А еще лучше: уволься сама и найди другую работу. Коллекторы, кстати, больше не приходили.

– Я не могу.

– Почему?

– А почему, ты думаешь, коллекторы перестали приходить?

– Па-а-а-чему перестали? – настороженно выговорила соседка.

Отмалчиваться дальше было бессмысленно:

– Меня туда директор устроил.

– Ди-рек-тор? – все так же настороженно протянула Катя, чуя неладное.

– Человек, которому я должна теперь.

– Стоп. Коллектор, что ли? Он тебя туда работать отправил?

– Да. Я ходила к ним в офис просить отсрочку. Влад – друг директора, как я успела понять.

– То есть ты у нас за долги пашешь? Ты захотела в голливудском фильме побывать? Что еще тебя там просят делать?

– Ничего не просят. Это обычная работа, не хуже любой другой. И коллектив хороший, я рассказывала о них.

Катка слушала и качала головой. К слову сказать, сама она была инженером и неплохо зарабатывала. В начале года она купила квартиру в строящемся доме и до срока сдачи искала жилье подешевле, поскольку выплачивала ипотеку.

– Коллектор этот тоже хороший? – недовольно спрашивала она.

– Он в баре не работает.

– Знаешь, что я теперь думаю насчет сегодняшнего? Скорее всего, у них свои дела с теми людьми и, возможно, прямо в этот момент они решают, за сколько им тебя продать!

– Нет! Влад – порядочный человек. Оставь ты эти предрассудки, пожалуйста! – недовольно отмахнулась Анна.

– Ну ты и легковерная! За две недели разве можно узнать человека?

Анна молчала: бесспорно, иногда и целой жизни недостаточно, чтобы узнать все о человеке, но развивать эту тему дальше охоты не было. Она понимала, что выглядит не в лучшем свете перед своей соседкой, но и в оправданиях не видела смысла.

– Господи! – выдохнула Катя. – А с банкротством что?

– Послала их к черту.

– Слушай, – продолжила Катя, немного поразмыслив, – Пашка мой в охранной фирме работает. Он говорил, что парней нанимают частным образом для охраны и, бывает, припугнуть кого-то. Мы пока не слишком близки, но я могу поговорить с ним.

– О чем?

– Не знаю... нанять человека охранять тебя...

– И чем я буду с ним рассчитывать? У Константина Николаевича еще попрошу?

– А Константин Николаевич у нас?..

– Коллектор.

– Ага. Константин Николаевич... Много чести. Получается, тебе в баре не платят?

– Влад предлагал. Я сама отказалась, мне хватает чаевых, – соврала Анна.

Катя встала и сказала в заключение:

– Вынесла ты мне мозг, Анька. Напрочь!

Она вымыла за собой чашку и, уходя, добавила:

– Я спать, а ты завтра займись поиском другой работы!

– Хорошо, – недовольно пробурчала Аня.

Переживая в мыслях события минувшего вечера, она просидела с включенным телевизором на кухне почти до утра. Почему невезение продолжает преследовать её? Искать другую работу? Снова доказывать свои знания, отстаивать свою честь? Не было больше сил начинать новую гонку за место в этом городе, испытывать неудобства, сталкиваться с пошлостью и подлостью. Она устала карабкаться в болоте из собственных сомнений и хотела по привычке спря-

таться на некоторое время. Что бы ни говорила Катя, но сегодня за неё заступились, и причин не доверять Владу у неё не было.

Глава 4

Анна уснула под утро и проспала почти до трех часов дня. Лучи солнца из открытого окна назойливо щекотали лицо, а с улицы слышалась детская речь и пение птиц. Сладко потянувшись в постели, она приподнялась и села, скрестив ноги под одеялом. Вчерашний эпизод показался ей незначительным пустяком. Умывшись и перекусив, Анна занялась домашними делами, но никак не могла перестать думать о нависшем над ней увольнении.

На днях звонил хозяин квартиры, немного увеличил арендную плату, просил принять решение как можно скорее и сообщил номер счета, на который она должна будет отправлять деньги. Сумма по-прежнему была смехотворной, в то время как переезд в родительский дом мог вылиться в копеечку. В доверок к долгам по коммуналке квартира отца не походила на жилое помещение: полы покрывал слой несмываемой грязи, сантехника полностью нуждалась в замене, а в одной из комнат было выбито окно. Учитывая и тот факт, что квартиру нужно продавать незамедлительно после оформления наследства, никакой финансовой выгоды временный переезд принести не мог. Лучший вариант, как ни крути – это согласиться на предложение своего арендодателя. И если сохранить работу в баре, можно больше не волноваться о деньгах.

Вооружившись шваброй, Анна старательно драила полы, вымещая на стареньком потертом линолеуме свою досаду. «Нужно ли выходить завтра на работу? Меня уволят или нет? Неужели я плохой работник?» Прояснить недопонимание требовалось как можно скорее, но Влад не звонил ей.

Ближе к вечеру Анна села за стол и открыла ноутбук, полистала сайт трудоустройства: в целом все то же самое. Тут она вспомнила, что сегодня вторник, а по вторникам, так сложились обстоятельства, в баре после восьми оставались только она и Влад. В середине недели посетителей было мало, Олег уходил в восемь, а Степан временно по вторникам сидел с детьми – какие-то проблемы у его жены были. Анна решила не упускать прекрасную возможность спокойно поговорить с начальником с глазу на глаз, без суеты и свидетелей.

В бар она приехала в 20:30, без косметики, в джинсах, ветровке и кепке – непривычный для неё стиль, но так девушка рассчитывала подчеркнуть непреднамеренность своего визита. Прежде чем зайти, она осторожно заглянула внутрь через маленькие стеклянные окна в двери. Бар был почти пуст, однако мутное темное стекло не позволяло рассмотреть детали в царстве полумрака. Осторожно приоткрыв дверь, она прислушалась: кроме тихого звучания музыки и отголосков щебетания женского голоса, – ничего, можно было смело заходить.

В кармане пискнул телефон – пришло сообщение от Кати: «Ты где?» – «Все в порядке, я на работе», – написала Анна в ответ, убрала телефон в сумку и зашла в бар.

Влад восторга от такого фокуса не проявил:

– Ты что делаешь? Я ясно сказал: дома сидеть!

– Я не намеревалась работать, а приехала поговорить. Мне правда жаль, если у вас проблемы из-за меня.

– Это не из-за тебя. Им совсем другое нужно, считают, что мы в девяностые вернулись. Устроили цирк, лишь бы надавить. Не бери в голову.

– Но я все равно вас не устраиваю?

Влад спрятал глаза, уставившись на кассовый аппарат, и пробурчал:

– Устраиваешь.

Анна заметила его смущение и продолжила напор:

– Вы сегодня один, я могу немного помочь?

– Справлюсь.

– Но я ведь уже здесь! – она забавно сморщила нос и добавила шуточным тоном: – И я голодная!

Влад вздохнул, посверлил её назидательным взглядом и сказал:

– Смотри, умная какая! Марш на кухню! В зал не выходи.

– Есть, шеф, – Анна улыбнулась и, повязав фартук, проследовала за раздвижные двери.

Посетителей было мало, но, как назло, уж очень усидчивые. Зато Влад много времени проводил с ней на кухне, чему Анна была несказанно рада. Ей нравилось общаться с начальником, он представлялся ей кем-то вроде старшего родственника, которого у неё никогда не было: добрый, теплый, заботливый.

– Ты приехала из-за того, что реально боишься увольнения?

– Нет, – пробурчала она в ответ, как ребенок, отрицающий свою причастность к несанкционированному поеданию конфет.

– Если я тебя уволю, Константин ничего тебе не скажет.

– Вы так считаете?

– Знаю.

– Стойте! Я совсем запуталась! В итоге вы хотите меня уволить или нет?

– Ты сама-то хочешь продолжать работать официанткой?

– Не думала, что буду официанткой, но мне нравится тут работать. Не сама работа, а именно здесь, у вас.

Начальник смотрел на неё по-отечески:

– И ничего, что денег не получаешь?

– Я в любом случае была бы вынуждена все отдавать, разве нет? Здесь хотя бы люди хорошие.

– Хороших людей много.

– Вы мне так и не ответили.

– Не хочу я тебя увольнять. Но мне не нравится вся эта ситуация, какое-то дурное предчувствие.

Влад немного задумался, наклонив голову набок.

«Зачем я себя накручиваю? Надо будет дочери позвонить», – вздохнул он про себя.

Анна поджала губы – ей не нравилось, как складывался разговор, намерение Влада избавиться от неё становилось все очевиднее. Она поникла и взяла салфетку, чтобы протереть разделочный стол.

– Можете хотя бы подождать, пока я найду другую работу? – выиграть немного времени: последняя уловка, на которую она могла пойти.

– Сильно Костю боишься?

Вместо ответа Анна смяла в руках салфетку и опустила глаза, Влад попробовал её успокоить:

– Он не настолько помешан на деньгах, просто принципиальный. Да и нужны они ему.

– Зачем? – выпалила она машинально.

– А тебе вот зачем? – усмехнулся Влад.

Конечно, вопрос был глупый: человек живет так, как привык, и если он привык жить в достатке, то и деньги ему нужнее, чем ей.

– У тебя нет здесь родных? – спросил начальник, выдержав небольшую паузу.

– Нет.

– Приехала что ли откуда?

– Нет. Мать пропала, а отец умер.

– Что значит пропала?

– Просто пропала: ушла и не вернулась.

– Искали?

– Искали, да, – Анне хотелось закончить этот разговор, было неприятно вспоминать свое детство и родителей. Ей не исполнилось и пятнадцати лет, а она обивала пороги полицейского участка в надежде найти мать, но безрезультатно. Иногда она думала, что отец её убил и спрятал тело, а иногда была готова поверить в его версию о том, что мать сбежала с любовником. Соседи вздыхали сочувственно и помогали чем могли, но никого не заботил вопрос о том, что произошло в действительности. Таких неблагополучных семей миллионы, невозможно разобраться в них всех. Сбежала ли мать, бросив мужа и ребенка, или он убил её, какая разница? Разве эти знания прибавили бы благополучия? Может, на самом деле все эти люди были правы? Отец жил себе спокойно, девочку не забрали социальные службы, и она без проблем закончила школу, поступила в колледж. Какой от правды толк, когда она только все усложняет? Некоторое время после пропажи жены отец не пил и хорошо относился к дочери – то ли из-за чувства вины, то ли ответственность в нем проснулась. Но спустя полтора года сорвался, жизнь с ним превратилась в кошмар: в прокуренном доме царили хаос и грязь. В ванной постоянно пахло рвотой и мочой. Но больше всего девочку-подростка пугали проходящие к отцу люди. Анна переехала в общежитие и с тех пор не видела отца до самых его похорон.

Справившись с бюрократией и скорбью, она нашла в его квартире уведомление на свое имя о заказном письме из Великих Лук годичной давности. Предположив, что письмо от матери, она собралась было узнать на почте точный адрес и имя отправителя, если это оставалось еще возможным спустя столько времени. Но на почте её ждало несколько уведомлений о долгах, и идею поисков Анна отложила до лучших времен. В данных обстоятельствах несколько месяцев не играли роли. Сейчас она вспомнила о письме и задумалась над тем, стоит ли предпринять что-либо по этому поводу. Более того, Анна сомневалась в том, готова ли в принципе знать правду. Приятно просто верить в то, что письмо из невесть какого городка действительно отправила мама и в нем рассказывала о своей благополучной жизни.

Влад, заметив, что девушке не нравится говорить о семье, не стал больше ничего выпытывать, лишь спросил:

– И нет никого, кто может помочь?

– Не-а.

– А в долги-то как влезла?

Тут Анна вспомнила слова Константина Николаевича и вздохнула:

– Глупая потому что. Людям нельзя верить.

Босс ласково улыбнулся в ответ, и теперь уже Анне захотелось удовлетворить свое любопытство:

– Вы с Константином Николаевичем давно знакомы?

– Давно.

– А как познакомились?

– При особых обстоятельствах, – и он снова улыбнулся, как бы говоря: «но это секрет».

Раздался звонок из зала, и Влад ушел, чуть погодя он крикнул своей работнице:

– Все! Собирайся!

Перед уходом нужно было убрать продукты, выбросить мусор, протереть столы и прочее. Анна успела сделать почти все заранее, оставалось только вынести мусор на задний двор и запереть запасной выход. Затем она сняла фартук и направилась в зал, но услышала звук дверного колокольчика, а вслед за ним знакомые неприятные голоса. Девушка замерла на месте. «Принесло же их! И что делать? Может быть, позвонить в полицию?» – подумала она и ощутила болезненное щекотание в животе. В замешательстве официантка сделала два шага назад на кухню. На разделочном столе тихо зажужжал оставленный Владом телефон. Анна посмотрела на экран – звонил Константин. «Выйти к ним и сообщить, что директор звонит? Или прежде ответить самой?» – она секунду колебалась и в итоге нажала на зеленый кружок.

– Ты еще в баре? – послышался знакомый сухой голос из телефона.

– Константин Николаевич, это Анна. У нас неприятности! Я не знаю, рассказал ли вам Влад о вчерашнем происшествии. Приходили люди и угрожали ему вчера, а сейчас они здесь и, кажется, задумали что-то плохое. В баре уже нет посетителей, мне страшно. Я хотела позвонить в полицию.

Она отошла в дальний угол, говорила тихо и быстро, боясь разоблачения, но Константин Николаевич все понял.

– Звони! – отрезал он в ответ, и связь прервалась.

Анна отложила телефон начальника и достала из сумки свой. Никогда еще ей не приходилось обращаться в экстренные службы, что им говорить? Она нервничала, руки дрожали.

– Здравствуйте, что у вас случилось? – послышался голос диспетчера из телефона.

– К нам в бар пришли люди и угрожают.

– Скажите ваше полное имя и адрес.

– Демьянова Анна Григорьевна, переулок Островского, восемь. Пожалуйста, пусть придут побыстрее...

– Совершаются какие-то насильственные действия? Применение оружия?

Анна еле сдерживать, чтобы не закричать в ответ... – ну серьезно, что за вопросы?

– Я не знаю, я не вижу.

– А что конкретно вы видите?

«О Боже! Она это серьезно?» – взывала про себя Анна.

Тихо подойдя к двери, она выглянула в зал и постаралась расслышать, что говорят бандиты. Они говорили тихо – было не разобрать. Один из них, вероятно, главный, приблизился вплотную к Владу, он был ниже ростом и тянул шею, стараясь упереться носом к носу со своим оппонентом.

– Они явно угрожают, пришлите кого-то скорее, – прошептала она в телефон.

– Хорошо, ждите.

Раздалась гудки, похоже, оператор была не сильно заинтересована присылать кого-то скорее. Анна продолжала тайком наблюдать за происходящим. Влад сохранял равнодушие и слегка улыбался. Вдруг главарь разозлился, он отошел от хозяина бара и махнул рукой, вся свора без промедления набросилась на жертву. Анна впопыхах принялась повторно набирать телефон полиции, но пошатнулась, задела локтем посуду, телефон выпал из рук и, брякнувшись о кафель, залетел под стеллаж.

«Не слышали, не слышали...» – звучало у неё в голове, пока она шарила рукой под стеллажом в поисках сотового. Однако у главаря слух был отменный, жестом он отправил проверить кухню одного из своих людей, здорового бугая. Тот с силой распахнул дверь, мигом схватил девушку и выволок её в зал, она даже не успела что-либо предпринять.

– Так-так, – издевательским тоном заговорил главарь, обращаясь к Владу. – Ты у нас, значит, джентльмен, припрятал красотку-то, – при этом он схватил Анну за подбородок и взглянул на неё хищным взглядом.

И пока девушка старалась высвободиться, бугай опустил ладони ей на плечи и надавил, чтобы усадить на стул.

– Я вызвала полицию сразу же, как вы пришли. Они должны скоро приехать, – выпалила она.

В ответ на дерзость бугай ударил её по лицу, но вроде бы не очень сильно. По крайней мере, Анна ничего не почувствовала – из-за ужаса перед происходящим мозг отказывался принимать реальность. Главарь успокаивающе дотронулся до руки своего сподвижника и наклонился к Анне:

– Деточка, если они еще не приехали, то уже и не приедут, – не прекращал он ерничать.

Влад с разбитым в кровь лицом приподнялся, опираясь одной рукой о барный стул, а другой держась за ребра.

– Послушайте, ну оставьте вы её. Для чего вам над девочкой издеваться? Вы изверги что ли?

– Ну вот зачем ты продолжаешь нас обижать, а? Мы к ней хорошо относиться будем!

Кричать было бесполезно, перед глазами все расплылось, Анна зажмурилась и почувствовала, как кто-то давит ей на грудь, обхватив руками. Стало тяжело дышать, и в голове крутилось только одно: «Полиция приедет, приедет, еще мгновение и они войдут внутрь». Снаружи послышался шум, дверь скрипнула, и поток воздуха с улицы проник в бар, а вслед за ним появился Константин Николаевич. Один. Никакой полиции.

Все замерли на секунду. Первым заговорил главарь:

– А ты у нас кто?

– Я его друг, и хочу чтобы вы ушли. В противном случае мне придется позвонить Голове, вы же знаете, о ком я? И, кстати, я вызвал скорую, они будут здесь в течение десяти минут. Поэтому, даже если полиция и обещала вас сегодня не трогать – не выйдет!

Бандиты замаялись.

– Ты умный, – проговорил главный, сменив свой насмешливый тон на раздражение. Затем повернулся к Владу: – Повезло тебе, – и, приближаясь к выходу, кинул недовольный взгляд на директора. – Хороший у тебя друг, – процедил он сквозь зубы, – смелый.

Вся шайка потянулась за ним. Анна наконец почувствовала боль от пощечины, но вместе с тем пришло и облегчение. Внезапно один из бандитов, а именно все тот же бугай, обхватил хрупкую девушку своими лапищами и поволок к выходу. Он буквально смял ее, сдавив одной рукой ребра и живот, а другая его рука в нетерпении стаскивала с неё лифчик под кофтой, но как будто сдирала кожу с её груди.

Константин Николаевич, сделав шаг в сторону, остановил бугая, преградив ему путь. Директор смотрел вперед, даже не на злодея, а куда-то на стену. Он был высокий, но бугай выше сантиметров на десять, широкий, злой. Бандит сверлил глазами противника, казалось, он может его сломать, как ветку. Но Константин Николаевич невозмутимо продолжал стоять и смотреть вперед, не поднимая глаз.

Первым не выдержал главарь, который находился по правую руку и чуть позади директора:

– Если отдашь её ему, то сильно облегчите себе жизнь. Ну, понравилась она ему очень. А я для своего брата все сделаю.

– Она моя должница, – сухо проговорил Константин Николаевич, повернув голову в его сторону.

– У нас она больше заработает и выплатит быстрее. Сколько она тебе должна? – не унимался главарь.

Анна осознала, что в сию секунду она перестала быть человеком, а стала товаром. Все намеки судьбы были не случайны, и перед её глазами предстало возможное будущее: оно мялось за порогом, нарядившись в красно-красные одеяния из боли, жестокости, унижения, и раскрывало свои руки для объятий. Оказаться сейчас за пределом бара означало только одно: упасть в эти холодные алчные объятия. Анна хотела молить кредитора о спасении, обещать ему выплатить проценты в двукратном размере, отдать все, что у неё есть. Но не получалось издать ни звука, она глотала воздух словно рыба и издавала слабый хрип, оставалось мысленно взывать к высшим силам о том, чтобы директор проявил милосердие. У неё ведь нет никого, совсем никого, никто не станет её искать.

Константин Николаевич не назвал сумму и не двинулся с места. Бугай сделал шаг влево, пытаясь обойти соперника, но директор сделал шаг вместе с ним, по-прежнему преграждая злоумышленнику дорогу.

– Пусть он её отпустит, – спокойно произнес он, обращаясь к главарю.

Главарь раздраженно мотнул головой, и бугай с неохотой отпустил Анну. Подобно тряпичной кукле она опустилась на колени прямо у ног кредитора и уперлась ладонями в пол. Злодеи ушли. Константин Николаевич, бросив на несчастную беглый взгляд, направился к Владу, заботливо помог другу сесть на стул и спросил:

– Ты в порядке?

Влад кивнул и по-дружески сжал руку директора в знак благодарности. С улицы послышалась сирена скорой помощи.

Через минуту в бар зашли два врача: молодой, немного полноватый мужчина и невысокая женщина с короткой стрижкой и саквояжем в руке.

– Вы можете подняться? – доктор наклонился к Анне и протянул ей руку.

Женщина с саквояжем прошла вглубь зала и стала осматривать Влада.

– Драка была? – спросила она, взглянув на Константина.

– Да, – ответил директор. – Отвезите их в больницу, я поеду за вами на своей машине.

Медики закивали и помогли пострадавшим пройти к машине скорой помощи. В больнице Влада увезли в палату, а Анна осталась сидеть в приемной, она облокотилась о стену, изо всех сил стараясь заснуть, а проснувшись – забыть о пережитом кошмаре. Сколько времени она так просидела, она не знала, подошел врач, осмотрел её, задавал вопросы, сделал какой-то укол, сказал, что это поможет успокоиться.

– Вы можете идти, – заключил он. – Если почувствуете недомогание или боль, пожалуйста, обратитесь к врачу.

– Спасибо, – пробурчала Анна в ответ и направилась к выходу.

Неплохо было бы вызвать такси, но сотовый остался в баре под стеллажом. «Надо попросить телефон в приемном покое. Или пройтись пешком – если идти быстро, можно добраться за час-полтора», – в голове у неё скопился вязкий туман, который не позволял думать рационально.

– Ты куда? – услышала она резкий голос директора за спиной и содрогнулась от неожиданности.

Повернувшись к своему кредитору, Анна растерянно пролепетала в ответ:

– Домой.

– И как?

– Такси вызову или пешком...

– Скажи мне, ты нормальная вообще?

Девушка хлопала глазами и молчала, не зная что ответить.

Директор обратился к медсестрам:

– Я отвезу её домой и вернусь. Пожалуйста, сделайте все необходимые обследования, я оплачу дополнительные услуги и процедуры.

– Не переживайте! Мы сделаем все что нужно. Можете не приезжать сегодня.

Константин Николаевич повернулся обратно к должнице:

– Пошли, – сухо проговорил он.

– Как Влад?

– Сломали пару ребер, возможно, сотрясение... Он будет в порядке.

Директор ходил быстро, Анне пришлось прибавить шаг, чтобы поспеть за ним.

– Садись, – открыл он дверцу автомобиля.

– Спасибо.

Анна села на переднее сиденье и сразу отключилась от всего, даже не сказала, куда ехать, вместо этого она мгновенно уснула, как только машина тронулась – словно упала в глубокую черную яму.

– Эй, проснись. Проснись, приехали, – Константин Николаевич теребил её за плечо. – Просыпайся, я не понесу тебя на руках, – вытягивал он слова насмешливо, когда увидел, что та приоткрыла глаза.

Анне показалось, что она проспала вечность – трудно было заставить себя шевелиться, бедолага еле-еле выкарабкалась из машины и оглянулась: совершенно незнакомый район.

– Простите, я сразу уснула, наверное, из-за лекарств, и не назвала адрес. Где мы?

– Возле моего дома.

Анна молчала, она никак не могла собраться. О чем он? Что хочет от неё?

А директор в свою очередь смотрел на неё, скукоженную и растрепанную, в её растерянное лицо, и пытался представить, каково ей сейчас. Он зажмурился, сделал глубокий вдох и заговорил более мягко:

– Посмотри на меня! Эти люди не школьники, они могли разузнать, где ты живешь. Всем будет спокойнее, если сегодня ты останешься здесь. У меня много комнат.

Идти к нему было страшно, но еще страшнее оставаться одной на улице.

– Мне неудобно, – она сжала пальцами край футболки и не могла решить, что делать в данной ситуации.

– Я в любом случае не повезу тебя в твой район. Я собираюсь вернуться в больницу, ты останешься одна, тебе нечего бояться.

Он замолчал, но, видя её смятение, добавил:

– Можно снять номер в гостинице неподалеку. У тебя есть деньги?

В последнее время Анна часто думала о деньгах, и услышать подобную фразу от своего кредитора было сродни землетрясению, вернувшему её к реальности, в которой она почти перестала быть человеком. Словно замерзший бездомный щенок, она смотрела в глаза директора, надеясь на человеческую доброту.

– Не бойся, я ничего тебе не сделаю, – Константин старался говорить мягко и достал с заднего сиденья машины пакет из супермаркета. – Иди, – жестом он пригласил её пройти в дом.

Анна все ещё сомневалась: а что, если этот человек ничуть не лучше тех бандитов и привез её сюда лишь с одной целью? И снова деньги... все упирается в деньги. Наконец она обрела ясность в осознании своей жизни, словно прозрела: нельзя отменить правила, установленные для неё обществом еще при рождении, в соответствии с которыми у таких, как она, нет другого выбора, кроме как сломаться. Все предрассудки человечества неустанно материализуются сами по себе на её пути, всякий раз сбивая с ног, и в эту ночь у неё больше не было сил подниматься с земли. «Да какого черта! – мелькнуло в голове, – это в любом случае будет лучше, чем то, что могло бы быть». И она твердым шагом направилась к подъезду.

Внутри в своей комнатухе за стеклом мирно дремал пожилой консьерж, и визитеры молча прошли мимо. В лифте Анна украдкой пыталась рассмотреть своего кредитора как следует: какие у него руки, шея, волосы, кожа... Директор выглядел опрятным и ухоженным, казался задумчивым и как будто немного печальным.

«Что мне делать, если он скажет спать с ним? Наверное, это можно стерпеть, лишь бы не стал меня бить. Господи, о чем я думаю! Неужели я докатилась до такого? Как же стыдно!» Но бежать было поздно, Анна перестала рассматривать стоящего рядом мужчину и уставилась в угол, словно наказанный ребенок. Лифт звякнул и открыл двери.

Квартира начиналась с маленькой прихожей, далее слева простирался большой холл, обустроенный под общую комнату отдыха. Там стоял гарнитур с тумбой под телевизор, диван в скандинавском стиле, журнальный столик. Над диваном висела абстрактная картина, а с обеих её сторон полки с вазами и другими предметами декора. Справа же располагалась кухня. Дверной проем между холлом и кухней был широкий, почти в половину стены, а сама дверь отсутствовала. Было неясно – то ли это одна комната, разделенная на две, то ли наоборот, попытка иллюзорно расширить пространство. По центру вглубь уходил темный коридор, скрывающий

в себе те самые «много комнат». Директор прошел на кухню, поставил пакет на стол и включил чайник.

– Пойдем, я покажу тебе комнату и поеду.

Возможно, наконец, подействовали лекарства, но Анна почувствовала в квартире приятную атмосферу, что-то необъяснимое словами, не имеющее своего названия, но осязаемое кожей, легкими и душой. Это не какой-то определенный запах или свежесть воздуха, не аромат пищи или парфюма, это не прохлада или тепло. Это некое чувство, вырывающее тебя из реальности и погружающее в мир, схожий с утренней негой после хорошего сна. Нечто умиротворяющее, похожее на сладкое мягкое облако, окутывающее, заслоняющее собой все невежество мира и прячущее от всех невзгод.

Коридор был широкий, вдоль стены стоял небольшой стеллаж с книгами. Дверей она насчитала четыре, хозяин квартиры открыл перед ней три из них, показав ей туалет, общую ванную и гостевую спальню, в которой имелся второй душ. Жестом он позвал её обратно на кухню.

– Тебе надо что-нибудь поесть, – говорил он, заваривая чай и рыская что-то в холодильнике. – У меня тут нет ничего, кроме пирожных. Я почти не ем дома, – как-то странно, слово виновато, сказал он.

– Ничего, сладкое – то, что сейчас нужно.

Константин Николаевич подошел к входной к двери.

– Вам нужно уходить?

Анна поймала себя на мысли, что не хочет оставаться одна. Страх, недоверие, подозрения – все ушло. Ей стало спокойно и тепло рядом с кредитором, и все недавно случившееся осталось где-то далеко позади. Неужели это тоже из-за лекарств?

– Он ведь мой друг, понимаешь? И есть еще дела.

Анна кивнула, хотя не понимала, какие могут быть дела глубокой ночью.

– Ты можешь остаться одна? – будто бы обеспокоился он.

– Да, спасибо.

– А это, – заговорил Константин Николаевич в дверях, – тот пакет, – и он сделал жест в сторону кухни, – это я купил тебе, чтобы спать.

Когда дверь за директором закрылась, Анна вытряхнула из пакета на стол его содержимое: зубная щетка, паста, влажные салфетки, футболка, домашние штаны и даже нижнее белье из супермаркета, упакованное в коробку, – по-видимому, заехал в магазин, пока она спала в машине. Анне до ужаса хотелось сорвать с себя одежду, в которой она была, и смыть с тела всю грязь сегодняшнего вечера. Душевая в гостевой комнате имела стенки из матового стекла, а сама комната не закрывалась на защелку, но постыдные мысли оставили девушку, и она воспользовалась ею без опасений.

Потом надела купленную директором одежду, а свою засунула в пакет и вернулась на кухню выпить горячего чая. Странно порой поворачивается жизнь: тебя предают самые близкие люди, а спасают совсем чужие, те, кому ты не веришь и, подчиняясь предубеждениям, обвиняешь без причины во всех смертных грехах.

Анна прокручивала минувшие события у себя в голове. Она оценила то, как ловко и быстро Константин Николаевич все исправил, и вспомнила, как прошел мимо неё в баре, не посмотрел в её сторону, не спросил: все ли с ней хорошо? А теперь привез сюда, потому что якобы волнуется? Даже позаботился о её комфорте, купив эти вещи. Что он за человек? И как он умудряется никуда не смотреть, но при этом все видеть? На её лице появилась неожиданная улыбка – забавным показалось то, что этот сухой, желчный и властный человек любит пирожные.

Вымыв за собой посуду, Анна отправилась в спальню, но уснуть не получалось. Однако вместо привычных душевных метаний или слез нелепая опьяняющая улыбка не сходила с её

лица. И понимание всей несурзности этой улыбки в данной ситуации привело её к логичной мысли: «Пожалуй, это все благодаря лекарствам».

Чтобы нагнать сон, она решила взять в коридоре книгу и, выйдя из комнаты, пробежалась глазами по стеллажу. Художественных книг на полках практически не было: в основном словари, энциклопедии, несколько томов Пушкина и немного книг зарубежных авторов. Внимание привлекла подборка из четырех тонких книг ручного переплета. Анна взяла первую, открыла, прочла начало. Содержание было похоже на историческое художественное произведение наподобие романа «Князь Серебряный»¹.

– Сойдет, – произнесла она и устроилась поудобнее в чужой кровати.

«Оказывается, он порядочный человек», – подумала Анна о хозяине квартиры и погрузилась в чтение.

Глава 5

Кредитор не солгал своей гостье, он действительно направился в больницу. Врачи уже провели необходимую диагностику и разрешили Владу поспать. Посему долго Константин Николаевич не стал задерживаться в палате, оставил привезенную для друга одежду и, убедившись, что тот в порядке, поговорил с врачом и медсестрами, попросил оказать пострадавшему хороший уход.

– Аркадий Геннадьевич завтра будет в больнице? – спросил Константин дежурную медсестру, прежде чем уйти.

– Заведующий на месте с девяти утра, – улыбнулась сестра в ответ.

– Хорошо.

Остаться в больнице не было смысла, он вышел на улицу и вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух. Попробовать поискать нападавших по горячим следам и выяснить, с какой целью они явились в бар? Нужно рассуждать рационально, не стоит поступать опрометчиво. Постояв немного на крыльце в раздумье, Константин направился к машине, но, открыв дверцу автомобиля, услышал позади легкие шаги. Он обернулся и увидел застывшую позади девушку семнадцати лет. Одета она была в джинсы, футболку и ту же розовую кофточку, что была на ней пару недель назад во время случайной встречи с Анной. В левой руке сирота держала свой рюкзачок.

– Я нашла тебя, – тихо сказала она и улыбнулась.

Константин смотрел на юное создание без эмоций, но спустя несколько секунд его щека тихонько вздрогнула, и девочка поняла, что под маской равнодушия скрывается ярость. Она отступила назад и хотела было броситься бежать, но стоило только повернуться к директору спиной, как он схватил её за руку и, притянув к себе, обхватил второй рукой её хрупкую шею.

– Ну уж нет! Не в этот раз! – прошипел он ей на ухо.

Девочка выронила рюкзачок и свободной рукой попыталась освободиться, но тщетно – она почувствовала, как задыхается, голова закружилась, руки обмякли и задрожали. Константин отпустил её руку и приказал:

– Снимай кофту!

Машина директора медленно ехала по ночной дороге, а девочка оказалась запертой в багажнике, руки были связаны сзади любимой розовой кофточкой с распродажи в масс-маркете. Эта кофта была первым её приобретением после выпуска и знаменовала собой свободу. «Она ведь не порвется? – раздосадованно думала девочка. – Повела себя как школьница и попала как школьница. А чего я ждала?» Что тут скажешь – ей все казалось другим. Конечно, у него столько знаний и возможностей! А она? Куда ей... Всю жизнь прятаться и умирать. Снова и снова прятаться и умирать. Ей не следовало идти к нему, ей нужно было бежать прочь.

---

¹ «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного» – исторический роман А. К. Толстого, изданный в 1862 году.

Машина остановилась, и Мара услышала, как хлопнула водительская дверь, а следом послышался грохот металла. «Он ведь не убьет меня?» – всполошилась она. Пленница попыталась высвободить руки, но из-за нехватки пространства ничего не получилось. Через минуту дверца багажника открылась. Перед ней предстал Константин Николаевич, и не успела та опомниться, как он приставил к её горлу канцелярский нож.

– Без глупостей! Вылезай!

Надо обладать недюжинными акробатическими способностями, чтобы со связанными сзади руками вылезать из тесного багажника. Мара извивалась, словно гусеница, но лишь выставила ноги наружу. Константин схватил её за руку выше локтя и грубо потянул, но это помогло исполнить приказ. Рюкзачок остался лежать в багажнике.

Девочка испуганно озиралась по сторонам исподлобья: вокруг только мрак. Двое – ожесточенный взрослый мужчина и беспомощный ребенок – очутились на окраине города, где располагались гаражи, купленные владельцами автотранспорта еще в 90-х годах прошлого века, но сейчас почти все они были заброшены. В муниципалитете давно претендовали на эту территорию и, пока не пришли к единому решению по компенсации, давали владельцам срок в полгода, но большинство из них уже давно перетащили свое барахло и забросили ненужное имущество. Приходили сюда от силы пара пожилых мужчин, чтобы выпить подальше от жен, и одна женщина-художник, переделавшая гараж под художественную мастерскую. Гараж директора располагался с краю, Константин Николаевич использовал его как склад, и внутри помещение было обшито плотной доской. Других используемых отсеков рядом не было. Место было тихим, безлюдным и вполне годным для того, чтобы привезти сюда пленницу. Девочка шла неохотно в свою будущую темницу, обдумывая, чем задобрить своего конвоира, который с силой вцепился ей в плечо, держась позади, и голос его звучал подобно пиле, въевшейся в упругое дерево:

– Это ты устроила?

– Что? Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Не понимаешь?

– Я здесь всего-то пару недель и ничего я не устраивала! А ты почему меня не искал? Тебе было неинтересно?

– Я надеялся, ты где-то очень далеко.

– Я не бываю далеко.

Эта фраза разозлила его еще больше, и он толкнул её в спину так, что она повалилась на колени.

– Ай! Больно же! – вскрикнула девочка.

– Это хорошо, – криво улыбнулся директор.

Мара тут же развернулась к пленителю и смотрела на него испуганными глазами, ей наконец удалось освободить руки, но убежать она все равно не могла.

Константин Николаевич сел напротив на корточки.

– Я не решил еще, что мне с тобой делать. Столько времени прошло, а я так и не решил.

– Неужели ты до сих пор злишься? Правда злишься?

Он смотрел на неё и молчал.

– Ну чем ты недоволен? Все ведь этого хотят! А любовь тебе и не нужна была.

– Мне ты не нужна была.

– Ну и ладно! Отпусти меня, и я больше не приду к тебе.

Но он вдруг рассвирепел:

– Ты думаешь, я забыл, что ты сделала? Думаешь, забыл и простил? Ведь это ты, ты это с ними сделала?! – в злобе он замахнулся на неё.

Она закрылась руками и закричала, что есть мочи:

– Неужели это все еще имеет для тебя значение!

Константин Николаевич не мог больше продолжать это спор. Он встал и вышел.

– Да брось, не играй со мной в эти игры! Я ведь уже ничего не могу исправить. Я правда знаю только то, что рассказала. Я не лгу тебе! Эй, эй... Здесь холодно. Прошу тебя, – продолжала она кричать сквозь слезы.

Но в ответ последовал лишь шум закрывающегося замка.

– У меня было много планов, я хотела учиться, – всхлипывая, проговорила она уже тише.

Константин Николаевич не слышал её, он удалялся прочь от гаража твердым шагом. На сегодня у него закончилось терпение и хотелось вернуться в свой дом как можно скорее. Ночи еще были холодными, и воздух, проникая в легкие, словно приносил с собой какое-то беспокойство, и оно клокотало внутри. Стоя на самом краю пропасти, так трудно удержаться, поэтому сейчас было даже неплохо, что дома его ждали – это позволит отвлечься. Он пока еще не предполагал, чем эта встреча может для него обернуться. И была последняя холодная ночь, и ветер вдруг стал отчаянным и звенящим. Он как будто хотел сорвать все провода, все листья, все мысли, он несся впереди как послушный пес по команде, а возле хозяйского дома стучался в окно освещенной комнаты, а потом бежал обратно, связывая воедино такие разные судьбы.

Анна же, лежа в чужой кровати, не слышала этого стука, она увлеклась чтением: это была не историческая книга, а, скорее, сказка. В ней рассказывалась история о воеводе, уставшем от войн и жившем с семьей за чертой города. Однажды в лесу он спас юную деву от шайки разбойников, но та была колдуньей, влюбилась в своего спасителя и не желала принимать отказ. Книга была отнюдь не детской, слова её сплетались в мрачные картины, и неумная тоска скрывалась в них – ничто не предвещало счастливого конца.

Из холла послышался шум – вернулся хозяин квартиры. Делать вид, что она спит, было уже поздно, как и закрывать плотно дверь – он наверняка видел свет, просачивающийся сквозь щель в темноту, поэтому Анна отложила книгу и вышла.

Константин Николаевич сидел на кухне за столом с чашкой чая, уставившись в экран смартфона.

– Ты еще не спишь? – не поднимая глаз спросил он свою гостью.

– Книгу читала, мне не спится.

– Понятно, а вышла зачем?

– Хотела поблагодарить вас за помощь.

Тогда Константин Николаевич наконец посмотрел на нее:

– Не стоит. В конце концов это я отправил тебя туда работать.

– Тогда спасибо просто за то, что вы хороший человек, – пыталась Анна всеми силами показать свою признательность.

– Я не хороший человек. Просто есть вещи, которые я считаю неправильными.

И, немного помолчав, он добавил:

– Тебе спать не пора?

– Не могу уснуть, слишком много всего в голове. Что в больнице?

– Все нормально.

Константин Николаевич встал, достал бутылку коньяка и налил ей рюмку.

– Выпей, поможет.

Он с интересом смотрел, как она пьет, и затем спросил:

– У тебя был кулон, ты его случайно не потеряла в этой суматохе?

– Нет, я его не надевала даже, – жмурясь от алкоголя сказала она.

И подумала: «Как он все замечает?»

– Ясно, а то я подумал: вдруг дорогой.

– Нее, – она все еще не могла нормально говорить: коньяк оказался крепким. – Мне его подарили.

И снова подумала: «А теперь опять про деньги».

– Близкий человек?

– Вовсе нет, – всю историю она не стала рассказывать. А то обзовет опять дурой или ненормальной. – На самом деле я его купила за дешево у какой-то девчонки-беспризорницы, она просила денег на еду. Мне стало её жаль. Может, она вообще его украла, – Анна сама удивилась, как ловко ей удалось все перевернуть. – Это странно, что я его ношу?

– Он же красивый, – пожал плечами директор и снова уткнулся в телефон. – Иди-ка спать, – буркнул он.

Она послушно отправилась в «свою» комнату и снова открыла книгу:

«Нельзя знать заранее всей жестокости того, кто одержим тобой. Ведьма приходила к дому каждый день в одно и то же время и наблюдала за людьми, живущими там. Её зависть была безгранична, её жадность была ненасытной. Как ни прогоняй, как ни кричи, как ни пугай... Надо было убить.»

– Ты не знаешь, на что я способна! – крикнула однажды ведьма.

Глупый дурак и невежда! Думал: она лишь одна из тех странных людей, что живут вдалеке ото всех и верят, будто могут общаться с духами и навести на кого-то порчу. Не знал дурак, что она не одна из тех людей, что живет она в этом мире еще со времен сотворения его, что раны её глубоки сверх меры, а чувство обиды слишком сильно. И взяла она старую книгу, наделенную недостижимыми знаниями, настолько непонятными, что ведьма сама боялась прикасаться к ним. Но все-таки она открыла её.»

– Брр. Лучше спать, – сказала Анна сама себе и выключила свет.

Ей приснился странный сон о том, как охотники гнались за ведьмой. Поначалу ни лиц, ни фигур было не разобрать, но в какой-то момент ведьма во всем своем уродстве всплыла у неё перед глазами и закричала: «Убей! Убей его!» Как часто это бывает во снах: ты не видишь детали происходящего или конкретных людей, но осознаешь их. И Анна понимала, что ведьма говорит о Константине Николаевиче. «Убей его, убей его! – кричала она, и голос её становился все противнее, – или он убьет тебя! Он убьет тебя! Убьет тебя!» И она мерзко смеялась с этими словами, расплывающимися в радужных огнях калейдоскопа. Из-за этих головокружительных узоров, которые плюс ко всему начали пульсировать, Анна проснулась резко и с дурным чувством: сон оставил тягостный осадок – а может, и не сон, а произошедшее ранее наяву.

Она переделалась во вчерашнюю одежду и вышла из комнаты, в квартире никого не было. «Он ушел? И даже не оставил ключей или записки о том, как с ним связаться». От нечего делать девушка стала осматриваться в чужой квартире: никаких фотографий, сувениров, лишь несколько антикварных штучек, аккуратно расставленных на полках. В холле даже штор на окнах не было, зато было много света. На кухне также ничего лишнего, она вообще была почти пустой, отсутствовала даже привычная современному человеку микроволновка, только чайник и салфетки стояли на разделочном столе.

В закрытую комнату Анна не осмелилась зайти, но заглянула в ванную: все то же самое – идеальный порядок. Вдруг ей стало неуютно одной в этом холодном доме одинокого человека. Когда она переехала к бабе Нине, такого не было – в её квартире все говорило о прожитых годах, о когда-то близких людях, с которыми разлучила судьба, но этот дом не выражал ничего, совсем ничего. И Анна неожиданно поняла, что та особенная атмосфера, которая успокоила её вчера, это вовсе не лекарства, это здесь, в квартире, – это пустота. Именно поэтому ей было так комфортно сидеть и разговаривать с кредитором ночью на кухне, ведь здесь он единственный источник душевного тепла. Без него было холодно, сахарное облако оказалось немного колючим и стало намного прозрачнее. Анна сильно проголодалась, но не решилась сама приготовить себе кофе или чай. «Что же делать?» – думала гостя, усевшись в растерянности на стуле в ожидании. Спустя минут двадцать послышался звук за дверью: кто-то подошел с той

стороны и вставил ключ в замок. Анна тут же вскочила и попыталась сделать вид, будто бы вышла из комнаты. Но почему? Так глупо. В квартиру вошел молодой человек, тот самый, что приходил в офис, когда она просила отсрочку.

- Ты уже встала? Константин просил заехать, он не может тебе дозвониться.
- Телефон остался в баре вчера.
- Ясно. Я не особо в курсе. Меня Виталий зовут, – и он протянул ладонь для рукопожатия.
- Анна, – девушка коснулась в ответ его руки.
- Знаю. Выходит, надо в бар заехать. Он просил отвезти тебя домой.
- Не стоит беспокоиться, я сама поеду домой на автобусе, а телефон потом заберу.

Но Виталий не слушал её, он уже звонил Константину:

- Алло, слушай, её телефон в баре, у тебя здесь есть запасные ключи? А-а... О.К...

Хорошо. Да не переживай ты, я ж не дурак... Давай, пошли, – обратился он к Анне, сбросив звонок.

Гостья молча посеменила за ним – было очень неудобно оттого, что она полагается на незнакомых людей, оттого, что она ночевала в чужом доме и оттого, что она не понимала происходящего.

По дороге к бару они не разговаривали, Анна старалась даже не смотреть на Виталия. Что он знает? Что сказал ему директор? Что он думает о ней? Неловко.

Виталий припарковался напротив бара и спросил:

- Где там твой телефон?
- На кухне под стеллажом справа, недалеко от двери.
- Ладно, сиди в машине.

Он вышел, закрыл машину, постоял немного и направился к бару. Вернулся быстро, сел и протянул девушке её телефон.

На удивление тот еще работал – уровень заряда показывал 8%, пропущенных звонков 16! Анна открыла список: два от Константина Николаевича и 14 от Катки.

- Черт! – выругалась она и принялась звонить подруге:
- У меня телефон садится. Со мной все в порядке, – выпалила пропавшая.
- Да я... Да ты знаешь... Я уже Пашке позвонила, – тут Катя бросила трубку, видимо, торопилась дать своему парню «отбой», и через несколько секунд перезвонила:
- Убью!
- Я скоро приеду и все расскажу, ты дома?
- Да.
- Ну все.
- Ненавижу тебя, – пробурчала Катя и отключилась.
- Ииии, все, – промолвила Анна, глядя, как телефон мигнул и погас, потом обратилась

к Виталию:

- Куда мы едем?
- Велено накормить и отвезти домой, – отчеканил он в ответ.
- Не нужно, я сама... – засуетилась Анна.
- Ничего не знаю! Если Константин сказал, я должен делать!
- Вы у него работаете? – поинтересовалась она.
- Ага, – небрежно ответил молодой человек.
- Кем?
- А всем, – Виталий перешел на шутливый тон. – Таково мое обязательство.
- Долговое что ли? – ляпнула Анна.
- Ну да.
- Даа?!
- Можно сказать, жизнь ему должен, – он обернулся на Анну: – Да отец он мне.

– Я так и подумала сначала, – надутым голосом проговорила та.

– Точнее, опекун. Усыновить-то он меня не мог, так как холост.

– А опекуном можно? – Анна в этом не разбиралась, но ей было интересно.

– Не знаю, – пожал плечами Виталий. – Я думаю, он на самом деле просто договорился с директором детдома, он же в то время прокурором был.

– Прокурором? – эта новость для Анны оказалась настоящим сюрпризом.

– Странно, да? Я имею в виду его смену деятельности, – снова посмотрел он на Анну, и та закивала в ответ. – Ему предыдущая работа очень подходила. Я хочу сказать, что он реально был одержим работой в прокуратуре... Приехали.

Машина остановилась возле сетевого кафе, Виталий вышел первым и учтиво подал девушке руку, чтобы помочь. Посетителей в кафе было мало, молодой человек быстро прошел к столику возле окна и, как и надлежит галантному кавалеру, помог своей спутнице сесть. Возле них появилась улыбающаяся официантка и вежливо спросила, не желают ли они сделать заказ сразу же.

– Возьми это. Это нормальное, – указал Виталий на какое-то блюдо в меню, и Анна согласилась.

– Пить что будешь?

– Кофе, капучино.

Отослав работницу кафетерия, Виталий продолжил – его было уже не остановить:

– Мне было четырнадцать лет, когда я влип по-крупному. Реально по-крупному! Такой дурак был! И в результате своей глупости стал тем самым пареньком, которого должны были «взять». Более того, полицейские с радостью были готовы повесить на меня дополнительно пару-тройку обвинений, и дело в шляпе: «борьба с преступностью дает плоды». Знаешь, им же просто нужны закрытые дела. Запугали меня и те и эти, я и не сдавал никого, и был готов подписать все, что требовали полицейские. А дальше – детская колония. Константин – единственный, кто не считал все это правильным. Он тогда лихо взялся разбираться: и на меня нажал как следует, и другим досталось. Подробностей я не знаю, но дело он обставил славно: сел кто надо. Я сначала думал, за мной придут, но Константин забрал меня из детдома. И вот он я – закончил юрфак, работаю адвокатом. Почти успешный человек.

Было неясно, гордится ли он своими достижениями или своим опекуном, но чем-то молодой человек явно гордился, иначе с чего он вдруг взялся рассказывать эту историю незнакомому человеку?

– А почему он ушел из прокуратуры?

– Трудно сказать, он странный человек. Он не сразу переключился на кредиты: занимался недвижимостью, антиквариатом. Он словно ищет что-то или бежит от чего-то. Иногда даже я его боюсь – не знаю, как бы он поступил, если бы я стал ему перечить, вместо того, чтобы слушаться. Уверен в одном: второго шанса он бы мне не дал – он не из тех, кого можно взять на жалость. Однажды он мне сказал: «отношения между людьми складываются по двум линиям – взаимной выгоды и использования». Бескорыстие? То, что является бескорыстием с твоей стороны, со стороны другого становится использованием. Понимаешь, о чем я говорю? Я думаю, ты успела заметить: он не тот человек, который позволит использовать себя. Но меня все устраивает. Я бы уже сдох, если бы не он, понимаешь? Честное слово, убили бы, или подсел бы на наркоту. Поэтому я делаю все, что он говорит, стараюсь быть хорошим сыном, – театрально заключил Виталий.

– Прямо вот все?

Виталий кивнул, прожевывая свой сэндвич.

– Даже если что-то плохое?

– Например? – улыбнулся он.

Анне снова стало неловко, на этот раз определенно за свой вопрос.

– Ладно, я понимаю, что ты имеешь в виду, – заметив её смущение, мягко заговорил Виталик. – Он не кажется хорошим человеком. Но я скажу, что он хороший человек! Знаешь, почему? Потому что он всегда делает так, как говорит, и всегда говорит честно о том, что делает, и никогда не лукавит о своей позиции или чувствах. Да, он не тот, кого сильно заботят судьбы других, но у него есть свои принципы и он им следует. А люди... Они знаешь, какие? Они всегда готовы бить себя в грудь и говорить о том, что надо заботиться о слабых и делиться богатством, но на самом деле они это делают лишь потому, что у них ничего нет. Они кричат о том, что нужно защищать обиженных, когда сами находятся с их стороны, а очутись они по другую сторону, что тогда? Станут ли они следовать своим словам? Люди любят говорить, когда уверены в том, что не им отвечать за эти слова. Посмотри соцсети, что там происходит. Сначала они смеются без зазрения совести над фотографией больного ребенка или старика с альцгеймером только потому, что кто-то добавил к этому смешную подпись, а потом те же люди высказывают солидарность с бредовыми заголовками о бездушном обществе и брызжут слюной под какой-нибудь статьей в попытке изобразить из себя поборников справедливости. Те же люди! Понимаешь? Нет, я не против здорового цинизма, но зачем при этом так стараться изображать из себя святош? Только ради того, чтобы выглядеть лучше других? Самый простой способ быть благочестивым – это быть лицемером, вот что я скажу! Поверь мне, я этого навиделся. Все такие, но только не Константин. Если ему кого-то не жаль, он не будет делать вид, что жаль, лишь бы потешить свое себялюбие.

Анна наелась и, положив голову на ладонь, улыбаясь слушала. Ей нравилось разговаривать с Виталием, – он казался жизнелюбивым, открытым, и все, что он говорил, было ей интересно.

– Тяжело было жить в детдоме? – спросила она.

– По-разному: то так, то так.

– Не пугало то, что ты совсем один?

По странной случайности Виталий – уже не первый воспитанник системы, которого она встретила в последние дни. Они оба выглядели вполне счастливыми, и Анна задалась вопросом: почему по-настоящему одинокие люди зачастую чувствуют себя менее одинокими, чем люди, у которых кто-то есть?

– Знаешь, – с явным удовольствием принялся рассказывать её собеседник, – когда в фильмах показывают, как дети, выросшие в детдоме, хотят найти своих родителей, выведать, кем они были, почему от них отказались – это все чушь. Когда ты с младенчества не знаешь, что такое родители, ты о них не думаешь. Это болезненно для тех, кто попадает в детдом уже в сознательном возрасте. Конечно, маленькие дети хотят, чтобы их усыновили. Чтобы кто-то заботился именно о тебе... В детдоме ведь никто не заботится именно о тебе. Но чем старше становишься, тем меньше об этом думаешь – привыкаешь к ценностям коммуны. Я должен был жить в детдоме до совершеннолетия, но Константин забрал меня, потому что было опасно оставаться там после моей криминальной истории.

Виталий так и не ответил прямо на вопрос, к каким детям он принадлежал: к тем, что потеряли своих родителей, или к тем, что не знали их. Анна не стала расспрашивать об этом, а Виталий меж тем продолжал:

– Сначала стремно было – я реально его боялся. Но через некоторое время понял, что он нормальный мужик, можно сказать, я выиграл джекпот. У меня ведь появился человек, который обо мне заботился и о котором я мог заботиться. По крайней мере, мне нравится так думать.

Он улыбался, предаваясь воспоминаниям:

– Первое время я каждый день готовил ему ужин, думал: он же работает, я должен чем-то ему отплатить. Но заметил, что его это сильно напрягало. Он всегда говорил: «лучше учись, а не беспокойся о пустяках». Поэтому я просто стал учиться. Сразу я не смог поступить – в

башке ни черта не было, но все-таки еще через год смог – безвылазно дома сидел и зубрил, на улицу-то ходить страшно было. А когда поступил в университет – пришлось, и страх прошел. Извини, я тебе надоедаю своей болтовней, пытаюсь отвлечь от пережитого ночью.

«Наверное, Константин Николаевич ему все рассказал», – подумала Анна, а вслух сказала:

– Ни в коем случае! А сейчас ты отдельно живешь?

– Ну да, с восемнадцати лет. Благодаря ему я научился быть один.

Вдруг он встал:

– Пойдем, отвезу тебя домой. Заплачу только.

– Ты мне скажи, сколько я буду должна.

Она подумала, что нужно было попросить его забрать из бара еще и её сумку.

– Да ладно. Компенсация морального вреда.

Когда они подъехали к её дому, Виталий вышел из машины вместе с ней:

– Провожу тебя до двери.

Анна уже не стала отпираться: бесполезно.

– Кстати, сегодня бар будет закрыт. Просили передать. А завтра позвонят, – сказал он по дороге.

У двери молодой человек не остановился, он бесцеремонно зашел к ней в квартиру и огляделся:

– Одна живешь?

В этот момент, услышав шум, Катя вышла из комнаты.

– Вижу, что нет. Ну, я пошел! Вот, сдаю в целости и сохранности, – обратился он к Кате.

Когда он ушел, та удивленно посмотрела на Анну:

– Это кто?

– Сын директора.

– Директора, который...

– Ага.

Катя помолчала, потом стукнула Анну по плечу:

– Ну!

Пришлось все рассказать, правда, опустив особо неприятные подробности про то, что бандиты пытались забрать её в свое логово. И теперь история не выглядела столь драматичной, скорее тривиальной.

Катя продолжала колотить свою подругу:

– Ты знаешь, что я уже успела Пашке позвонить, знаешь, знаешь?!

– Ай, прекрати меня бить! Ты сказала ему, что все в порядке?

– Да. Но думаю, зря! Где тут порядок? – и снова стукнула Анну. – Дура! Сказали же: дома сидеть! Чего ты туда поперлась? Слушай, а этот директор вправду не приставал к тебе?

– Правда!

– Не верю, что он по доброте душевной тебя домой притащил. Почему сюда не привез?

– Я уснула... Но знаешь, я ведь ему кучу денег должна, если меня убьют, кто ему их вернет? Поэтому и заволновался.

– Логично. В каком-то веке умную мысль сказала! А сын у него симпатный. А жена его где?

– Нет жены.

– Разведен?

– Не было.

– Это как так?

– Сын приемный.

– Аааа. Интересно... – задумчиво протянула Катька, а потом резко спросила: – Я надеюсь, ты не собираешься туда возвращаться?

– Как скажут.

– Что значит «как скажут», ты сумасшедшая?

– Ты знаешь мою ситуацию. Если скажут, я пойду.

Катька недовольно покачала головой и снова стукнула её в плечо, правда, на этот раз совсем легонько.

– А может, тебе с его сыном замутить?

– Совсем что ли?

– Ну а что?! Ему не понравится, и он простит тебе долг, лишь бы ты от этого... Как его?

– Виталик.

– Вот. Чтобы ты от этого Виталика отстала. В твоём положении пора сжать кулаки и идти напролом!

– Да ну, не хочу.

– Конечно, лучше с кем-то вроде Сергея твоего...

– Ой, прошу, не начинай!

– Ладно, мне надо идти. Буду поздно. А ты веди себя хорошо!

В нашей жизни нелегко предугадать, на кого можно положиться, а кому не стоит доверять. Каждый раз – это лотерея. Никакие манеры поведения и факты тут не помогут. Если в одной ситуации человек тебя не подвел, это еще не значит, что не подведет в другой. У каждого своя допустимая мера и свои слабые места: деньги, нежность, забота, верность, сострадание – все это разные понятия, и каждый отдельно взятый человек по-разному следует им не только всецело, но и, опять же, по отношению к другому отдельно взятому человеку. Один мужчина может обмануть одну женщину, но умереть ради другой. Кто-то может осыпать тебя подарками, но быть настолько безучастным, что даже не узнает о твоей болезни. И даже с виду щедрый и добрый человек может не устоять и предать тебя, если речь пойдет о крупной сумме денег. Насколько было бы проще, если бы можно было судить о людях только исходя из каких-то видимых глазами вещей: манеры одеваться, уровня достатка или, например, цвета глаз – все голубоглазые априори честные, а все кареглазые – лжецы. Но это невозможно, даже по поступкам мы не можем полностью узнать человека и предугадывать его действия. Человек всегда так сложен, так много «но» и «если» в характерах, свободы и плена одновременно, столько проблем, противоречий, непонимания. И мы стараемся не замечать все эти «но» и «если», предпочитаем верить в то, что хотим, а потом оказываемся избитыми, истерзанными, несчастными.

Анна задумалась о своих отношениях с Сергеем. Все, что она получила от него, – при творство и ложь. Он, наверное, придумал убедительное оправдание своему поступку. Но не только Сергей был виноват в случившемся, её чувства тоже были ложью. Она была наказана за собственное лицемерие, за отказ от себя. Кредит был способом обмануть не только его, но и прежде всего себя саму. Попытка доказать, что их чувства – реальность, а не вымысел.

Но настоящие чувства не требуют доказательств. Они гораздо более эгоистичны и дотошны. Если бы она любила Сергея, то знала бы его истинную натуру, а также то, что ему нельзя доверять в финансовом плане. Принимая человека таким, какой он есть, мы не должны упускать из виду его недостатков. Но, увы, мы слишком часто хотим быть обманутыми, стремясь к вымышленному идеалу. На самом деле то, что ослепляет, делает избранника другим в наших глазах – это не любовь, а наше желание любить само по себе. И вот мы принимаем желаемое за истинное и ждем, что любимый человек будет – нет, он обязан! – соответствовать этому желаемому.

Виталий говорил все верно – люди постоянно врут. И боязнь одиночества заставляет унижаться их перед другими и перед самими собой. Может, лучше и не сближаться ни с кем, а просто болтать с незнакомцами о разных вещах? Это довольно легко и приятно.

Затем мысли увели Анну в воспоминания об отце, по которому она все же чуточку скучала. На самом деле он не был таким уж плохим человеком, просто жил неправильно. Часто папа просыпался по утрам и не помнил, что делал вчера, или делал вид, будто бы не помнит – из-за чувства вины. Он был больным, несчастным и беспокойным. Ныне Анна подумала о том, что в его жизни могла случиться своя печальная история, изменившая его. Почему же люди так часто выбирают неправильный путь? И почему её родители просто не развелись, если были несчастливы вместе? Они ругались по-страшному, били друг друга. Анна пряталась или убегала из дому в те моменты. Часто, возвращаясь из школы, просто стояла под дверью, боясь зайти в дом. Идти было некуда – друзей не было, одноклассники её не обижали, они просто её не замечали. До пятого класса Анна много времени проводила в деревне с бабушкой, матерью отца. Там было спокойно, но скучно. Ей всегда хотелось иметь близкого сердцу человека, брата или сестру. Бабушка умерла, когда Анне исполнилось одиннадцать, дачу продали, и оставалось просто проводить больше времени в городе. Анна записалась в библиотеку, математическую секцию и, если родители давали деньги, ходила в кино. Детство казалось длинным, одиноким, наполненным страхом, и всю свою сознательную жизнь она только и делала, что пряталась: от обстоятельств, от себя, от правды, но все это никак не помогало избавиться от сосущего чувства в животе.

И вот наконец-то она смогла вспомнить свое детство без слез и чувства жалости к себе, потому что вдруг ей представилось, будто бы все это одиночество и страх чего-то да стоили.

Глава 6

Рано утром Константин Николаевич отправился в больницу, без лишнего беспокойства оставив свою гостью одну в квартире. Гораздо больше его волновало само происшествие. За годы работы прокурором он навидался подобного в достатке и на данный момент рассчитывал разобраться с проблемой при помощи закона.

В городе было мало машин и людей, зато птицы кричали как сумасшедшие, будто бы чувствовали и выражали криком его внутреннее негодование, позволяя ему самому сохранять привычное хладнокровие. В больницу Константин приехал к девяти часам утра и, когда он зашел в палату, рядом с пациентом крутилась медсестра. Влад сидел на кровати с босыми ногами, в футболке и трениках, в бодром настроении.

– Ты как?

– Нормально, выпишут сегодня. Крепкий я парень, оказывается.

Когда медсестра вышла, Константин спросил серьезно:

– Почему сразу не рассказал?

– Не знаю. Что-то с ними не то...

– Конечно, не то.

– Я немного другое имел в виду. Мне показалось, они по наводке пришли. Будто бы стоит за ними кто-то.

– Не понял, как это могло быть причиной ничего не говорить?

– Хотел держать их от тебя подальше. Боялся, они тебя прощупать пришли на предмет слабых мест. Ну разве не странно то, что они стали приходить после визита Головы в бар? Я, наверное, брежу, – Влад потер лоб ладонью.

– То есть ты меня защищать удумал?

– А что? Почему не могу?

– Не нужно. И ты знаешь, почему. Ты должен о себе беспокоиться.

Влад обиженно отвернулся. Видимо, ждал, что друг оценит его заботу, а не начнет ругаться. Константин продолжил:

– Он спрашивал, не нужны ли мне работники, хотел каких-то головорезов устроить. Я сказал, что не нанимаю людей, которых не могу контролировать.

– Пристраивал людей из банды? Ты отказал, и они решили отыграться? Или полковник догадался, что бумаги у тебя?

– Столько времени в ус не дул, а тут вдруг подорвался?

Влад только пожал плечами в ответ.

– Надо было согласиться, – вздохнул директор.

– Они бы втянули тебя в проблемы.

– Вероятно, этого и хотят, но зачем?

– А может, все из-за девчонки, как думаешь? Такое бывает, разве нет?

Константин пожал плечами.

– Животные, – только и выдал он.

– Иногда, если чего-то захотел – это уже дело принципа, не важно, хорошее или плохое, просто люди упрямые.

Константин нахмурился – такого за свою жизнь он тоже навидался.

– Это не принципы, а алчность, – сказал он. – Ты ведь не пытаешься их оправдывать?

– Нет, конечно. Упаси бог! Просто не хочу, чтобы ты срывался сразу аки бешеная собака.

Директор только усмехнулся в ответ и достал телефон:

– Ладно. Попробуем не срываться.

– Кому пишешь?

– Начальнику.

– Голове что ли? И что пишешь?

– Поговорю с ним для начала, – и он убрал телефон обратно в карман. – Во сколько тебя будут выписывать?

– Ну, сначала проведут еще осмотр, уколы, то, се... Выпишут не раньше двух.

– Хорошо, я вернусь.

– Эй, – окликнул его Влад в дверях, – я ведь правильно понял, ты не собираешься устраивать резню?

– Не носи чушь. Нет, конечно. Когда я такое делал? – обиженно произнес директор. – Сначала все выясню. А ты пока, может, уедешь куда-нибудь?

– Не рано ли паниковать? У нас ничего кроме предположений. В опасности могу оказаться не я.

– На остальное мне плевать.

– Ой ли? – усмехнулся Влад и продолжил: – Да и потом, у меня близкие имеются, не могу я так просто все бросить и уехать.

– У тебя дочь в другом городе живет, что ты мне втираешь! Вот и навестил бы её.

– Ты прям жаждешь от меня избавиться, как я посмотрю!

Константин лишь махнул рукой и ушел.

– И не подумал, что я о нем, дураке, говорю, – пробурчал Влад, оставшись один.

Июнь подходил к концу, и на улице воцарилось настоящее лето, жаркое и душное. Константин снял пиджак, сел в машину и задумался. Он достал из бардачка деревянную коробку, похожую на китайскую шкатулку с секретом, немного посмотрел на предмет, лежавший внутри, и закрыл ее. «Это все случайность или нет?» – подумал он. Долгое время он пытался понять то, что понять невозможно, но сколько ни искал, найти ответы на свои вопросы не получалось. «Может, их просто нет», – решил он в какой-то момент, плюнул на все и стал жить как мог. Но эти вопросы снова встали перед ним и снова не дают покоя. Опасения совершить ошибку, причинить вред близким людям, сойти с ума самому от душевной боли. Страх питается нашими чувствами, выстраивая колоннаду вокруг души. И ты заперт там. Но сквозь бреши между колоннами подобно свежему ветру и летнему солнцу в твою жизнь медленно протискиваются самые наивные, самые упертые, самые нуждающиеся в тебе. Они делают первый робкий шаг, а потом готовы вытянуться оловянным солдатиком, втянуть живот, сжать

плечи, не дышать, лишь бы пролезть в эти щели, потому что ты нужен им и потому что они нужны тебе. Без них колоннада сдвигается, внутри становится тесно, щели перестают пропускать свет и воздух. Все теснее и теснее, того и гляди каменные столбы раздавят тебя, ты перестанешь быть человеком и превратишься в отвратительное месиво из кожи, крови и костей. Ты будешь греметь этими костями в ночи, пугая людей, а кровь твоя, сочась между костями и обрывками кожи, будет отравлять все вокруг. Но если, стремясь не быть раздавленным, разрушить каменные столбы – все может стать только хуже. Ты можешь впитать столько боли, что безумие охватит рассудок и превратит тебя в зверя, подобного волку Хати. Как удержать эти треклятые колонны на месте? Где вбить тонкие колья и предотвратить их движение? Как разглядеть заранее появляющиеся крохотные трещины? Иногда то, что кажется мелким, незначительным, в итоге оказывается очень важным, но как увидеть и понять это мелкое и незначительное в хаосе своей души?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.